

Константин Бояндин



Гори, гори ясно

Константин Юрьевич Бояндин

Гори, гори ясно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48508178

ISBN 9785005070661

Аннотация

Каждый, кто держит кошку, хоть раз да разговаривал с ней. Пусть даже ответа не ожидалось. Зато как они умеют слушать! Но когда внезапно осознаёшь, что кошки умеют не только внимательно слушать, но и общаться понятным человеку образом – вполне можно испугаться. А стоит лишь приоткрыть завесу этой тайны, как следом начинают открываться новые, не менее пугающие. И расхожая фраза «кошки правят миром» уже не кажется просто забавной шуткой.

Содержание

Фуга с огнём	6
Экспозиция	6
1	6
2	9
3	13
Разработка	16
4	16
5	19
6	22
7	27
8	33
9	38
Реприза	43
10	43
11	47
12	53
13	59
Кода	64
14	64
15	68
16	72
17	77
Гори, гори ясно	81

1. Выставка	81
2. Незримый сфинкс	86
3. Краем глаза	92
4. Не оглядываться	98
5. Зазеркалье	107
6. Мадам де Помпадур	118
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Гори, гори ясно

Константин Юрьевич Бояндин

Редактор Елена Дубовцева

Иллюстратор Анна Насенник

Корректор Елена Дубовцева

© Константин Юрьевич Бояндин, 2019

© Анна Насенник, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-7066-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фуга с огнём

Экспозиция

1

Менее всего я чаял встретить графа Льва Николаевича Толстого. Так бы и внимания не обратил, прогулки по «Пентагону» не доставляют особого удовольствия, но порой приходится появляться и в этом логове чиновников. Шёл по коридору за очередной подписью, да прошёл мимо кабинета. И заметил – боковым зрением.

Вздрогнул даже. Граф словно сошёл со страниц хрестоматии. Не в суконной-посконной одежде, нет, он был в элегантном сером шалоновом сюртуке и строгом галстуке, но всё прочее – как в учебнике. Длинная борода, лучащиеся участием глаза с затаившейся в них искоркой мудрости.

Мать честная!

Я посмотрел на табличку. Та самая дверь, сюда мне и нужно. И что тут делает этот ряженный? Готовится к конкурсу двойников исторических личностей?

Слух словно включили. Граф всё это время говорил по телефону. И телефон-то старинный, как в фильмах про рево-

люцию! То есть под старину, по виду понятно как тяжела трубка, и как приятно держать её; аппарат для господ, сразу показывает, что с хозяином надо считаться.

– И проверю лично! – повысил граф голос. – Делайте что хотите, но чтобы студию вернули владельцу! – Он аккуратно положил трубку и пригладил бороду. И отечески улыбнулся. – Вы ко мне? Садитесь, садитесь, голубчик, сейчас всё решим. Господин Бирюков только что звонил, я в курсе вашего дела. У вас ведь литературная ассамблея?

– Конвент, господин граф. – Вырвалось само собой. Что за чёрт! – Литературный конвент. В этом году мы остались без спонсоров.

– Без титулов, – он вновь отечески улыбнулся. – Просто Лев Николаевич, а ежели вам угодно формально, то – господин Толстой. Да, так вот, ассамблея. Доброе, доброе дело. Губернатор поможет, а как же. Я лично ему доложу, что нужно поддержать. Сибирь богата талантами, верно, господин Ерёмин?

– Очень богата. Можно просто Константин Николаевич. – Вновь сказалось как бы само собой. Граф наложил резолюцию на бумаги и поднялся, протягивая руку.

– С преогромнейшим удовольствием, – отозвался он. – Вот моя карточка, звоните, если будут чинить препоны. Доброго дня.

Я вышел из «Пентагона» в полном расстройстве чувств, и сам не зная почему, направился в «Странник» – кофей-

ню, недавно открывшуюся на ближайшем перекрёстке. Было чувство, что я только что спятил.

* * *

По дороге домой я заглянул в книжный. Специально прошёл туда, где стояла классика, захотелось посмотреть на «Войну и мир». Просто посмотреть. Может, я что-то упустил, и сейчас юбилей? Но почему он так спокойно отнёсся к своему титулу? Разыгрывает?

И ведь верно, меня направили за резолюцией в департамент культуры и образования к Л. Н. Толстому. Даже мысли не возникло!

Взгляд споткнулся о название книги на стеллаже для новинок, а следом споткнулся и я сам.

«Подвижник» значилось там. На обложке человек, стоящий на трибуне, и, похоже, это Ульянов-Ленин. Автор – граф Лев Николаевич Толстой. Новинка и бестселлер этого сезона. Я взял книгу, пролистал. Точно, тот самый человек! И в предисловии есть вставка лично от губернатора, где он восхищается тем, что оплот литературы, меценат и борец за могущество русского языка избрал поприщем своим работу в администрации, ибо поддержка талантов...

Я захлопнул книгу. Ощущение, что сошёл с ума, стало отчётливым. Сам не зная почему, я купил том и побрёл домой. Лето, солнце, а мне было зябко и холодно.

Дома сразу же нашлись неотложные дела, надо было сходить в магазин и сделать еще массу мелочей. Впрочем, Мария сразу же заметила, что со мной что-то не так – едва я уселся за компьютер, перевести дух и собраться с мыслями.

– Что такое? – Она выпроводила близнецов в их комнату – пусть посмотрят свои мультики – и прикрыла дверь в спальню. – Что случилось, Костя? На тебе лица нет.

– Вот. – Я положил на стол бумаги. – Сегодня добрался, наконец, до «Пентагона».

– Умница! – Она поцеловала меня в макушку, и лицо её посветлело. – Я же говорила, что граф заступится!

Так.

– Тебя не удивляет, что граф Толстой, автор «Войны и мира», сегодня поручился за наше начинание, и будет лично выбивать средства на конвент?

Она удивилась. На самом деле удивилась, неподдельно.

– А что такого? Это очень образованный и культурный человек. Ну да, со странностями, ну и что?

– Маша, когда жил граф Толстой?

Она присела, чтобы заглянуть мне в глаза.

– Сиди. – Ушла на кухню и принесла стакан минералки. Вот всегда знает, что мне нужно, не отнять! А потом стащила с полки том энциклопедии.

Если бы я уже не сидел, точно бы упал. Родился девятого сентября тысяча девятьсот пятьдесят первого года... Мама дорогая! Что происходит?!

– Костя, ты перетрудился! – Она снова поцеловала меня в макушку. – Ну нельзя же дни напролёт бегать по чиновникам! У тебя, между прочим, я и дети есть! А завтра суббота, и ты обещал, что поедешь с нами!

– Поеду, – подтвердил я, и захлопнул том. – Ты права.

Я постарался забыть о графе и его резолюции хотя бы до завтрашнего утра. Тем более что Главный успел набросать материалов: ознакомиться, отобрать, сопроводить рецензией. Основную мою работу в редакции никто не отменял. Так что время прошло в привычных трудах, и светлый образ графа-чиновника стал мало-помалу блекнуть. Вечером мы всей семьёй сходили в кино, и настроение стало преотличнейшим. На витрины «Книжного Ряда», мимо которых мы шли в кинотеатр, я всё равно предпочитал не смотреть.

Приснилось мне уже под утро, что я, вместе с графом Толстым, Владимиром Ульяновым-Лениным и отчего-то Степаном Разиным пробираюсь по низким тёмным катакомбам. Помню только, что мы должны были доставить крупную сумму денег своим товарищам по революционной борьбе. И всё. Проснулся я, едва впереди прохода забрезжил свет, и донеслись бодрые голоса с одесским выговором.

– Чёрт, приснится же такое! – пробормотал я по пути в ванную. Давешней книги – «Подвижника» – на столе уже

не было; это так обрадовало меня – не передать словами. Должно быть, я действительно перетрудился.

Суббота – лучший день недели. Во-первых, завтра всё ещё выходной. Во-вторых, и сегодня всё рутинно-рабочее можно отправить подальше. В субботу я работаю, если можно так сказать, на себя. Пишу и выверяю не чьё-то, а своё.

Детям повторно обещали кино, туда мы и отправились. Естественно пошли пешком – и так слишком много ездим. Близнецы обожают кататься в машине, но в этот раз единодушно поддержали идею прогуляться и выйти на полчаса раньше. Так мы и шли; Мария поглядывала, чтобы вовремя пресечь чрезмерное озорство, держала меня за руку и улыбалась.

Мы прошли возле давешнего книжного, и я подавил желание отвести взгляд. Наоборот, внимательно посмотрел на витрину и ничего особенного не заметил. Ничего такого, что вызвало бы возражение рассудка.

На обратном пути было почти то же самое, за тем исключением, что теперь близнецы восторженно обсуждали фильм и уже играли отдельные сцены из него с погонями и перестрелками. Мы совсем немного не дошли до книжного: Мария легонько потянула меня за руку и позвала близнецов.

– Вадим! Максим! Хотите сюда?

«Сюда» – это в детский городок. Приятнейшее место, хотя и не из самых дешёвых. Близнецам дай волю, они здесь бы и жили. Ну конечно они согласились, но подождали – что

папа скажет? Папа не возражал. Если честно, папа просто не понял, что это вдруг мама так расщедрилась: последнюю неделю близнецы вели себя несносно, и уже лишились многих увеселений. В порядке воспитательного воздействия.

Мария посмотрела мне в глаза и указала мне за спину.

– Я позвоню, – произнесла едва слышно. Так, чтобы только я услышал. – Не скучай!

Я повернул взгляд в сторону, в которую она указала, и остолбенел. Натурально остолбенел почти на минуту. Хорошо, что Мария с детьми уже успела уйти с улицы.

За одним из столиков летнего кафе, его всегда открывают прямо у витрины книжного, расположились двое, они оживлённо разговаривали. Один сидел ко мне спиной, и его я не мог узнать. Вторым был граф Толстой. Всё в том же шапоновом сюртуке, при галстукe и прочем.

– Господин Ерёмин! – он помахал мне рукой. – А мы только что о вашей ассамблее говорили. Идите, идите к нам!

Граф упорно называл наш конвент «ассамблеей», но да бог с ним, лишь бы помогал, а то без помощи сверху дело наше застревало в самых неожиданных местах. Его собеседник повернулся ко мне лицом, и я едва не остолбенел повторно.

Это был Ульянов-Ленин. Герой книги «Подвижник», которую я так и не прочитал. Да, передо мной был вождь мирового пролетариата.

То, что граф Толстой и господин Ульянов – старинные друзья, меня уже не очень удивило. Мир вокруг сходил с ума, и, только приняв это как данность, я мог сохранить свой рассудок. Ладно, раз идёт такая странная игра – пусть играют. А дома я всё-таки возьму энциклопедию и восстановлю торжество истины в одной отдельно взятой голове.

Господин Ульянов говорил знакомо: так звучивали Ленина в стародавних фильмах. Я пару раз ущипнул себя за руку под столом, не помогло. Так они и сидели оба, не пропадали.

Поначалу они продолжали старый спор между собой. И вновь я удивился: говорили они хлётко, употребляли отнюдь не парламентские выражения, но при том не ругались, не злились друг на друга. Однако! Мало-помалу, из обрывков их разговора, я начал понимать особенности того, как именно свихнулся окружающий мир.

Господин Ульянов, приверженец крайне либеральных взглядов, таинственным образом объединял смелость мышления о новом с защитой многих традиционных ценностей. В круг его попечительства в пределах Новосибирской губернии входила и культура. И стало понятно, отчего граф назвал собеседника подвижником: господин Ульянов радел за повторное приучение народонаселения к грамоте и любви к пе-

чатному слову. При этом практически по всем прочим пунктам согласия у спорщиков не намечалось.

– Да-с, так вот! – посреди шумной полемики граф неожиданно взял меня за руку и энергично пожал. – Мы совсем забыли о нашем молодом собеседнике. Рекомендую: господин Ерёмин. Третий год уже занимается организацией и проведением литературной ассамблеи. У нас, у нас.

– Рад знакомству, господин Ерёмин! – рукопожатие Ульянова оказалось не менее крепким. – Так вот, значит, кто этим занимается!

– Вообще-то нас много, – я слегка смутился. Так ведь и есть, проведением конвента занимается множество людей. – То, что я всё это координирую, не означает, что все лавры непременно мои.

– Не стоит скромничать, – добродушно прогудел граф. – В таком сложном деле как никогда нужны подвижники. – Ульянов вздохнул и выразительно развёл руками. – Полноте, батенька, и вам нет нужды скромничать. Лучше посоветуйте молодому человеку, к кому обратиться на сей раз. Я помогу, чем смогу, но инициатива должна исходить от народа. Власти должны увидеть, что культура сама пробивает себе дорогу!

– Охотно, охотно, – покивал Ульянов и добыл портсигар. – Курите? Нет? Замечательно. А я вот не смог пока отвыкнуть. Ну так вот, начну с тех, к кому вам ни за что не следует обращаться за помощью...

– Ты у меня молодец! – Мария сияла. Близнецы шумно и весело играли у себя с двумя дворовыми друзьями. – Теперь не только граф, но и сам Ульянов будет содействовать! Теперь точно всё получится!

– Получится, – согласился я. Была у меня мысль поинтересоваться у Марии, кто такой Ульянов-Ленин, когда жил и чем знаменит. Но вовремя пришла в голову идея этого не делать. Улучив момент, я добыл том энциклопедии... и да, значился там господин Ульянов. И всё, что я сегодня узнал, превосходно согласовывалось с написанным. Я на всякий случай решил не уточнять дела давно минувших дней: если честно, я побоялся новых неожиданных открытий. Графа Толстого и Владимира Ульянова пока было более чем достаточно. Про революцию 1917 года я потом как-нибудь узнаю.

Так что это, сон? Или явь? Судя по тому, что я проснулся именно там, где заснул (рядом с улыбающейся во сне Марией), это был не сон.

«Повод, – сказал граф. – Нужен веский повод. Что-то такое, что является символом культурного величия Сибири». Кандидатов много; в конце концов, есть множество выдающихся деятелей: писатели, художники, скульпторы. Однако нужно нечто особенное – такое, чего не было нигде.

Разработка

4

– Костя, так нельзя! – Мария протянула руку и выключила монитор. Ведь знает, что ничто не может разозлить меня сильнее. – Всё. Всё, я сказала! Сейчас же встань!

– Встал, – сердиться отчего-то не получалось. – Что дальше?

Она расплакалась, прижавшись ко мне. Вот этого я никак не ожидал. Мне стало так неловко, не передать словами.

– Слушай, – она не сразу отпустила меня. – Ты изводишь себя. Знаю, знаю, что этот ваш конвент совсем скоро. Ты хоть заметил, что иногда всю ночь сидишь за компьютером, а днём спишь у себя в офисе? А я? Я уже не нужна? А дети?

Вот как. И снова стало неловко – ещё труднее передать, чем пару минут назад. Я отступил и неловко опустился на стул.

– Не извиняйся, – она шагнула ко мне и обняла за плечи. – Не умеешь. Тебя что-то тревожит, Костя. И... с того дня, как граф подписал тебе бумаги, ты по-другому ко мне относишься. Что случилось?

И я рассказал. Никто не мешал – близнецы были у бабушки с дедом, строили очередной звездолёт, чтобы лететь

на нём в далёкую галактику. Мы дома одни, не считая кошки Заразы.

Мария внимательно всё выслушала. Не смеялась, не смотрела, как на полного идиота. А я рассказал всё, что знаю о графе Толстом, об Ульянове-Ленине, о Петре Столыпине и ещё десяти исторических персонах, которым здесь было нечего делать, но которые жили здесь, в двадцать первом веке, и самозабвенно трудились на благо России. Вот такие пирожки с котятами.

– Вот, – мы с ней сидели на кухне. – Хочешь – верь, хочешь – не верь, но для меня всё именно так.

– Потрясающе! – Она смотрела мне в глаза. – Я верю, Костя. Мы же восемнадцать лет знаем друг друга. Ты знаешь, когда я привираю; я знаю, когда врёшь ты. Ты не врал. Ты считаешь, что говоришь правду.

Ну да, а что она ещё может сказать?

– Слушай. – Она сжала мою ладонь. – Смотри, все эти люди имеют отношение к конвенту, верно? Может, это просто переутомление? Ты так много над этим работаешь, больше остальных, вместе взятых! Не спорь! Может, это знак такой?

– К-к-какой знак? – я не заикался с семи лет. А до семи заикался так, что от сверстников спасения не было.

– Что это действительно очень важно. Смотри, мы во всех энциклопедиях смотрели! В Интернете всё отыскали, что могли. Все эти люди, которых, как ты думаешь, не должно здесь быть, на самом деле здесь. У тебя одного другая вер-

сия, верно?

Похоже, что так.

– Костя, – села она мне на колени. – Мы с тобой оба хороши. Я тебя иногда не замечаю, ты – меня. Уже себя не переделать. Но я хочу тебе помочь.

– Как именно?

– Просто помочь, и всё, – она улыбнулась и поцеловала в макушку. – Ты ведь часто говорил, что мало людей, на которых можно положиться. На меня можно положиться.

– А как же... – начал я, но так и не высказал свою мысль вслух. Мария дизайнер, и чёрта лысого её так просто отпустят с работы: по её словам, она там тоже за пятерых пашет.

– А никак. Зачем такая жизнь, где мы друг друга только по утрам и замечаем? За меня не бойся. Берёшь в помощницы?

Такого взгляда я давно не помнил. Раза три или четыре в жизни она так смотрела. И становилось ясно, что впереди испытания, но мы прорвёмся. И всегда прорывались. С боями, но прорывались.

– Беру, – согласился я, и был награждён её счастливым смехом. Возможно, раньше и обиделся бы. Но не сейчас.

– У нас ещё два часа. – Она смотрела мне в глаза. – И если ты попробуешь сказать, что не думаешь о том же, о чём и я, я тебя покусую!

Много чего случилось после того разговора. Главное, что мы стали действительно замечать друг друга. В эту пору их жизни близнецам родители всё больше доука и элемент ненужной строгости. Им со сверстниками сейчас куда интереснее.

А вот мы стали замечать друг друга. И не только в смысле близости, она уже тоже как бы естественно покидала нашу жизнь, хотя ничего естественного в этом не было. Просто научились замечать друг друга. Казалось бы, как просто спросить: «Не нужно ли чего?». А спросишь – и сразу чувствуешь, что и тебе приятно – и тому, кого спрашиваешь. Как такое могло забыться?

Мария работала, наверное, ещё больше меня. Мы отыскали ноутбук, «складной компьютер», как его называла Мария. Его она брала с собой в командировки, чтобы почитать книги и посмотреть фильмы в дороге. Теперь и ему найдётся работа. И мы искали, искали, искали...

Конвент под скромным названием «Terra Incognita» основала группа студентов, помешанных на фантастике, впоследствии к ним примкнул и стал вдохновителем известный только в академических кругах прозаик Бирюков Сергей Федорович. А теперь эстафету подхватил его сын Борис. Правда, пишет он не под своим именем, а пользуется псев-

донимом. То, что Сибирь во многом ещё неизвестная земля, не спорил никто, но как найти повод, эмблему? Бирюков-старший давно уже отошёл в лучший мир, да и при жизни был мало кому известен. При всём уважении к его работам, знают его и могут оценить его труды очень немногие. Чей талант тогда мог бы стать поводом к очередному конвенту?

Именно Мария отыскала кандидатуру – Пётр Шилов, который, в отличие от прочих кандидатов, был довольно известен своими работами в языкознании и философии далеко за пределами нашей губернии.

На первый взгляд, дело было безнадёжным. О самом Шиллове известно примерно столько же, сколько о Гераклите: есть портрет, известно несколько интересных мыслей, да название фундаментального труда этого философа – «Основ», которых никто толком и не читал. В ту пору, когда Шилов завершал его, в России началась война, потом пришла революция, за ней было много других потрясений. Так и сгинули «Основы». По версии, которую озвучил один преподаватель из Университета: «Пошли те основы на самокрутки. Это если повезло, могли и в туалете на гвоздике оказаться».

Я, помнится, не удержался от иронической улыбки, едва расслышал имя. Но Мария, как ни странно, не посмотрела уничтожающе, не укусила (насчёт укусов она не шутит), она даже не ответила в том же стиле. Просто добавила:

– А ты у графа спроси.

– И спрошу, – я поднялся на ноги. Действительно, господин Толстой сам рекомендовал обращаться. Правильнее было бы позвонить Ульянову, который ведал административными сторонами подготовки, но мне было боязно. Уж не знаю, почему.

Граф оказался в добродушном настроении, и такого его ответа я, признаться, не ожидал.

* * *

– Шилов? – он откинулся на спинку кресла, и я уже ждал снисходительной, но всё равно неприятной улыбки, однако граф просиял и выпрямился.

– А идея отменная! – пояснил он. – Я уверен, что «Основы» вовсе не пропали. Вы ведь читали выдержки? Замечательно. Да, это отличная кандидатура. Мы очень мало знаем о нашей, российской философии. Крайне мало, я бы сказал, непозволительно мало...

Я внимательно слушал, кивая. По его же словам, графа порой заносит, но обрывать его не хотелось – хотелось слушать. Чем-то он мне напоминал другого известного деятеля, а именно Дизраэли. Толстой обладал определённым даром убеждения, и немалым.

– Решено, – граф поднялся из роскошного кресла. Поднялся и я. – Действуйте, господин Ерёмин. О Шилове мы знаем крайне мало, а надо знать больше. Нужны факты. Ес-

ли потребуются ресурсы, люди, специалисты – обращайтесь. «Вот ещё, – подумал я. – Хотя нет, я обращусь. Но только тогда, когда своих сил будет недоставать. Мы с Марией сами поднялись на ноги, и никогда не просили помощи. Но и не отказывались, когда предлагалась. Именно так и добились всего, чем и гордимся».

– Спасибо, – ответил я на словах, принимая протянутую руку. – Как будут новости, сразу же сообщу.

6

Легко сказать – искать.

Я не один ведь такой умный, кому пришла в голову идея собрать сведения о Шилове. Искали целые институты и другие организации, на эту тему даже написаны монографии и диссертации. Шутка ли, человек, сыгравший такую роль в просвещении, переводчик множества интереснейших работ по философии и языкознанию, а о нём самом почти ничего не известно, и труд всей жизни утерян!

У истории своеобразное чувство юмора.

Дома мы с Марией устроили мозговой штурм. Конечно она собрала всё то, что было по Шилову в открытом доступе, и даже договорилась о встрече с древним профессором исторических наук Самарским Николаем Давыдовичем, который из всех мирских благ ценил редкий сорт чая. И вот я потратил почти трое суток, добывая именно такой чай. Словно

пароль, не возьмишь с собой – встречи не будет.

Почему именно Самарский? По словам Марии, профессор неоднократно упоминал, что видел того самого Шилова своими глазами. Судя по возрасту профессора, отметившего столетний юбилей несколько лет назад, это вполне возможно.

* * *

Для человека ста пяти лет от роду Самарский сохранился очень и очень неплохо. Я был морально готов к встрече с человеком, уже плохо понимающим, кто он, где он и почему. Но двери мне открыл низенький, седовласый, но в целом очень крепкий мужчина. Естественно были и морщины, и прочие неизбежные признаки старости. Но я сразу заметил стоящие у дивана в гостиной пудовые гири, и не думаю, что они пылятся там по забывчивости, или же просто украшают собой интерьер.

Да и рукопожатие профессора оказалось стальным. Вот бы к такому возрасту остаться таким же крепким!

– А, вижу-вижу, вас уже проинформировали, – для человека невысокого и, прямо скажем, не атлетического сложения голос профессора неожиданно оказался густым басом. – Проходите, господин Ерёмин. Что ж, начнём с домашнего задания.

Я растерялся на долю секунды.

– Простите, с чего?

Профессор рассмеялся и дружески похлопал меня по плечу. Я постарался, чтобы на лице ничего не отразилось. Гири явно не скучают неделями у дивана, такой силы я не ожидал.

– Ну как же. Вам рассказали, насколько я эксцентричен. Рассказали, конечно же, про чай. И предупредили, что я требую полного знания о том, что мне дарят. Верно?

Прямое попадание по всем пунктам.

– Ну, не меняйтесь так в лице, а проходите за мной. Я вас чаем угощу. Не беспокойтесь, другим. Красным. Полторы ложки заварки на чашку, без сахара, но с чем-нибудь вприкуску. Печеньем, например. Верно?

Я чуть не сел прямо на пол. Откуда он знает??

Профессор благодушно рассмеялся.

– Я тоже стараюсь наводить справки о тех, с кем буду общаться. Идёмте, идёмте. Руки можете вымыть вон там.

* * *

Шилов предлагал другой путь познания окружающего мира. Не то чтобы по сути своей путь был оригинальным, поскольку принцип «познай себя» был неоднократно высказан за много тысяч лет до рождения Шилова.

Оригинальным было в какой-то мере обоснование, почему человек, не ведущий здоровый образ жизни, не сможет приблизиться к пониманию сути своих взаимоотношений

с окружающим миром. И почему человек, не ведущий здоровый образ мышления, не сможет вести здоровый образ жизни.

– Разумеется, Шилов хорошо знал буддизм, – пояснил профессор. – Он потратил много сил и средств, чтобы лично знакомиться и общаться с выдающимися мыслителями своей эпохи. Кстати, он не признавал никакого опосредованного общения как способа получить подлинное знание. Только личное общение.

Интересно! О таком факте биографии Шилова я не знал. Нигде не нашёл об этом ни слова. Откуда профессор знает?

– Лично встречался, – пояснил Самарский, наливая ещё чая. – Это только кажется, Константин Николаевич, что дети ничего не помнят. Я запоминал всё. На меня он произвёл огромное впечатление уже тогда.

Профессор ничуть не возражал против диктофона: на память я не жалею, но держать оригинал беседы под рукой куда удобнее. Картина прорисовывалась не очень радужная.

По словам профессора, Шилов, помимо всего прочего, был большой любитель розыгрышей и шуток. Несгибаемый оптимист, он прошёл вместе с Россией все периоды смуты, и каким-то чудом выжил, невзирая на то, что его недолюбливали все противоборствующие силы.

По словам Самарского, на так называемых простых людей Шилов производил впечатление чуть ли не святого. Следуя своему принципу здорового образа мышления, Шилов

быстро и чётко приводил в порядок умы тех, с кем общался. Неважно, был ли у человека пустяковый вопрос, не дававший покоя, или же серьёзный кризис, Шилов за несколько минут общения помогал найти решение. Не сам находил, а что-то такое делал с человеком простым разговором, что человек сам в себе разбирался.

И всё это Самарский запомнил, когда ему было шесть или семь лет? Поверить трудно.

– А что бы вы сказали, господин Ерёмин, если бы я заявил, что неоднократно встречался с Петром Шиловым уже в конце двадцатого века? – спросил Самарский неожиданно, внимательно глядя на моё лицо. Странно, но на моём лице ничего такого не отразилось. После вторжения в мою реальность графа Толстого и Ульянова-Ленина меня не так-то просто удивить. Я улыбнулся и развёл руками.

– Спасибо за вежливый ответ. Так вот: среди прочего, Шилов утверждал, что человек, с которым общаешься долго и ярко, остаётся в тебе. Остаётся как часть тебя. В материалистическом понимании, а Шилов был, как ни странно, убеждённым материалистом. То, что составляет личность – Шилов понимал это как неосязаемую, но материальную часть мира – сплавляется, смешивается с вашей. Вы как бы получаете возможность общаться с таким человеком впоследствии. Словно он остаётся с вами, даже если его физическое существование прекратилось.

– Всё это вы сумели запомнить почти сто лет назад?!

– Не только. Я читал «Основы». Не все, только часть. Вас ведь интересует, куда делся этот труд? Это было делом всей жизни Шилова. Вы глубоко заблуждаетесь, если думаете, что он позволил бы ему пропасть без следа.

7

Мария выслушала «отчёт» о визите к Самарскому очень внимательно. Основная мысль, которую Самарский высказал почти сразу, теперь не давала покоя. Шилов предвидел возможные потрясения и позаботился о том, чтобы «Основы» их пережили. То, чему он учил, вряд ли могло понравиться каким бы то ни было властям; Шилов был твёрд в следующем убеждении: «Народ должен быть образованным».

Ну и если вдуматься, кому нужен образованный и разбирающийся в происходящем народ?

Разумеется, особняк Шиловых исследовали не раз. Просвечивали и простукивали, искали тайники и прочее. Ломать его не позволили: высокий чиновник новой власти облюбовал особняк, и проводить подробные исследования запретил. Не позволили и впоследствии, когда в особняке последовательно помещались школа, библиотека, краеведческий музей и, наконец, музей самого Шилова. Где и лежат сейчас все немногие сохранившиеся личные вещи философа.

В особняке, возможно, искать нечего. Вначале я вместо «возможно» сказал «очевидно», но после короткой, но жар-

кой полемики с Марией признал, что ничего очевидного нет. Шилов любил розыгрыши. От Самарского я привёз фотографии пяти переписанных страниц «Основ» – всё, что осталось от труда. Ну и диктофон, где лежало всё остальное.

Итак, где искать «Основы»? И, главное – когда? Я вспомнил, что оба, Ульянов и Толстой, предлагали административные ресурсы. Может, пора ими воспользоваться?

И мы сели думать, как лучше всего воспользоваться упомянутыми ресурсами.

* * *

Граф Толстой внимательно выслушал все пришедшие к нам в голову идеи. Собственно, Самарский сказал практически прямым текстом: «Идите в народ. Езжайте по деревням. Ещё сохранились те, кто был при Шилове, ещё живы люди, или их потомки, которые видели его лично. Там и узнавайте. Если что и можно узнать, только там».

– Мы с супругой провели исследование, – заключил я. – Вот деревни. Нам хотелось бы объехать их все, расспросить людей. Я думаю, будет лучше, если с нами не будет никого из представителей власти.

Граф покивал, и я заметил азарт в его глазах.

– Замечательная идея, господин Ерёмин! А ведь верно, когда нам нужна помощь, когда что-то следует восстановить или исцелить, куда мы идём? В народ! Оттуда все наши силы,

там источник нашей стойкости. А культура, за которую мы с вами радеем, она откуда? Всё от народа и для него. Я всё понял. Сейчас, если не возражаете подождать...

В дверь коротко постучали.

– Как всегда вовремя, – просиял граф. – Господин губернатор, позвольте вам представить. Супруги Ерёмины. Те самые, усилиями которых возрождается литературная ассамблея в Новосибирске.

– Очень приятно! – рукопожатие губернатора было стальным, а взгляд – твёрдым. Я знал, что это один из немногих высокопоставленных чиновников, который не на словах помогал грядущему конвенту.

Одно меня поразило, но поразило, похоже, это только меня. Как и многие другие открытия за прошедшие дни с момента первого разговора с графом.

Губернатора звали Петром Аркадьевичем Столыпиным.

* * *

– Не буду кривить душой, – губернатор быстро ознакомился со всеми бумагами, которые не так давно я подал графу на резолюцию. – Господин Бронштейн, заместитель министра культуры, каждый день радуется своим звонками. Он требует, чтобы мы именно министерству поручили проведение конвента. По его словам, – губернатор смотрел мне в лицо, и я старался не выказывать никаких чувств, – мы

не можем позволить передать судьбу конвента в руки дилетантов. Скажите откровенно, господа Ерёмины, – и Мария выдержала его взгляд не моргнув и глазом. – Справитесь? Короткий ответ, пожалуйста.

– Справимся, – слаженным хором ответили мы, словно репетировали.

Губернатор кивнул.

– Мы поможем вам с расселением гостей и транспортом. Всё остальное – ваша забота, господин Ерёмин. Бронштейн убеждал меня, что вы будете просить у властей денег, что сами ничего не сможете сделать. Говорите открыто, господин Ерёмин, вы приходили к господину Толстому, чтобы получить финансирование?

– Если предложат, мы не откажемся. Но просить не собирались.

Губернатор вновь кивнул и пожал руки всем присутствующим.

– Удачи! Держите меня в курсе. – И был таков.

Граф вздохнул.

– Я опасался чего-то подобного. Господин Бронштейн, если можно так выразиться, моя персональная оппозиция. Я не удивлён, что он захотел взять всё в свои руки. Не будем медлить! Итак, вам нужен транспорт. Это мы решим очень и очень быстро.

Никогда я ещё не видел, чтобы «штаб», все двенадцать «людей-дилетантов», занимавшихся конвентом, собирались так быстро и с таким воодушевлением. Впервые Мария сама предложила пригласить их к нам домой, и впервые близнецы не пытались всё внимание перевести исключительно на себя, а наоборот: вели себя очень прилично и больше слушали, чем говорили.

Мы распределили поручения, кому куда ехать, вкратце рассказали, что и каким образом следует искать. Уже заканчивался второй чайник чая, когда раздался звонок. Городской номер. На него нам звонят разве что родители, остальные предпочитают мобильную связь.

– Господин Ерёмин? – услышал я незнакомый голос. – Лев Давидович Бронштейн, заместитель министра культуры Российской Федерации. У вас найдётся несколько минут для разговора?

Видимо, Мария всё поняла по моим глазам. Она сделала знак присутствующим – молчать! – и включила громкую связь.

– Да, господин Бронштейн, найдётся.

Изумлённые взгляды явно подтвердили, что все в курсе, кто такой господин Бронштейн.

Я долго не мог заснуть в тот вечер. Странный, на редкость короткий разговор с заместителем министра не давал покоя. «У меня есть возможность содействовать вам, господин Ерёмин. Вы, так сказать, свой человек. Если потребуется, обращайтесь» – вот основная мысль, которую он выразил.

Это мало походило на то, о чём говорили губернатор и следом за ним граф. С чего это вдруг господин Бронштейн не сказал ни слова по существу? Может, это вообще не он звонил?

Последняя мысль показалась весьма логичной. Действительно, надо проверить с кем именно я говорил. Но проверка, увы, подтвердила, что именно с ним я и говорил.

Итак, мало того, что сама задача была практически невыполнимой, теперь нам предстояло координировать свои действия с представителем министерства культуры. «С вами свяжутся», – сказал он. Ни имени не назвал, ничего. Шпионские игры, честное слово. Я некоторое время колебался, стоит ли сказать графу Толстому о произошедшем, но в итоге решил промолчать. Малодушным показалось. Подумаешь – чиновник, не впервые чиновники путаются под ногами!

В Мусохраново мы с Марией поехали на своей машине. Поехали, конечно, с детьми и не только ради предполагаемого разговора со знавшими Шилова людьми: погода стоит прекрасная, вот мы и решили совместить приятное с полезным. Чёрт, но я не имел ни малейшего представления, с чего начинать! Просто заходить в каждый дом?

А что делал Шилов? Заходил в каждый дом. Сам заходил, своими собственными ногами. Это современному человеку подобное поведение может показаться диким, а для того времени это было вполне естественным.

Надо вести себя естественно. Однако я рано обрадовался, Мусохраново казалось вымершим. Точнее, брошенным. Радую глаз стояли дома, не было признаков запустения, но и людей не было видно. Я для пробы попробовал постучать в ворота ближайшего дома, мимо которого лежал наш путь, но ничего не произошло. Даже собака не залаяла, хотя вон её конура, и конура эта выглядела вполне обитаемой.

Ничего не понимаю!

– Попробуем ещё раз на обратном пути, – предложила Мария, когда седьмой дом подряд встретил нас всё той же дружелюбной тишиной.

Я согласился; на всём обратном пути к автомобилю и далее через посёлок нас не оставляло ощущение пристального,

пытливого и настороженного внимания.

* * *

Мы поехали побыть среди гор один день, а если близнецам не наскучит, то два. Я опасался, что им наскучит. Пусть даже детей не допускали к телевизору, чтобы не засоряли себе мозги, дома для них всё равно интереснее.

Но как я ошибся!

Не без труда уговаривая их поехать проветриться и посмотреть пусть не очень высокие, но настоящие горы, я думал, что придётся в тот же день спешно возвращаться домой. Но я сильно заблуждался. Самым приятным образом. То ли воздух, то ли природа, то ли что ещё – мальчишек было не увести «с улицы». Мы не одни расположились на отдых, Мария категорически потребовала не погружаться в глушь, боялась. Не уточняя, чего именно. Но и предгорий вполне хватило, чтобы произвести впечатление на подрастающее поколение.

Они резвились, обегая под присмотром матери окрестности, а я читал собранное и думал. Послезавтра, когда «штаб» вернётся из первых поездок, мы соберёмся и подведём первые итоги.

Выяснилось, что поблизости в палатке расположилась семья одноклассника Марии – тоже с детьми. Наши двое ментально нашли общий язык с ними, а когда четыре иска-

теля приключений убежали на поиски этих самых приключений (под пристальным вниманием взрослых), Мария отвела меня в сторонку.

– Езжай, – просто сказала она, глядя мне в глаза. – Езжай. Только возвращайся засветло.

«Она права, – я думал о том, чтобы вернуться в Мусохраново. – Не зря ведь Самарский несколько раз упомянул его в разговоре. Да. Мы с Марией определённо стали понимать друг друга лучше».

И я отправился.

* * *

Мусохраново выглядело так же, но если ехать домой, дальний справа двор не был пуст. Седовласый бородатый старик рубил дрова. А чёрный пёс, головастый и коренастый, смотрел на всё это, не забывая и о службе: он тихонько зарычал и гавкнул, когда я подошёл к калитке. После чего посмотрел мне в глаза и... отбежал в глубину двора.

– Доброго дня! – зычно окликнул меня дед, не переставая колоть поленья. Судя по размерам топора и тому, что каждое полено разламывалось с первого же удара, силы деду не занимать. – Что-то потеряли?

Я ожидал чего угодно, но только не подобного вопроса. Свой собственный ответ в первую очередь удивил меня самого.

– Я ищу человека, – ответил я почти сразу же. И не сразу понял, что ответил словами Шилова, именно так он отвечал, когда интересовались, что потерял. Хозяин дома отложил топор и внимательно посмотрел мне в глаза.

– Проходите, – указал он направление. – Собака умная, вас не тронет.

Не только не тронула, но подошла, учтиво так обнюхала и проводила, виляя хвостом.

Дальше было всё, как во сне. Точно помню, что перед тем как войти в избу, я оглянулся. И не очень-то удивился, заметив, что окрестные дома все исполнены жизнью. Люди кололи дрова, работали в огородах, заботились о скотине, словом, жизнь шла спокойно и размеренно.

И почему я не замечал этого несколько минут назад? Словно глаза кто отвёл.

* * *

– Костя, это не смешно! – повторила Мария немного резким голосом. В палатке пока были мы двое; близнецы гостили в соседней палатке, у знакомых. – Что значит «не помнишь?».

В том-то и дело, что не помню. Не помнил, но едва она сказала, что это не смешно, словно что-то включилось в голове. И я вспомнил всё: от момента, когда переступил порог избы и до момента, когда выходил из калитки. Говорили

мы с хозяином избы. Хотя имени Шилова не упоминалось, в том не было нужды, но первое, что сделал хозяин, после того как угостил меня – передал мне книгу: не что-нибудь, а рукописный фрагмент «Основ». Книге на вид было лет сто; как и должно быть, собственно. Фотографировать страницы владелец не позволил: «Или читай здесь, добрый человек, или...».

Или вот он, порог, что было понятно. Я сел читать. И вот теперь я начал вспоминать. Не зря говорят, что память у меня фотографическая. Я закрыл глаза и принялся вспоминать. А Мария, умница, не забыла достать и включить диктофон.

– Здорово! – прошептала она, когда у меня во рту пересохло, и ничего нового я уже не смог вспомнить. – Тайное общество, да? Он раздал части книги разным людям? Но как им искать друг друга? Как найти того, у кого другой фрагмент?

– А как мы нашли Мусохраново? Почему именно сюда поехали?

Мария задумалась.

– И верно. Надо понять! Ведь не случайно поехали! Начинаем всё вспоминать, всё с момента, когда ты вошёл к графу в кабинет!

Мне показалось, что я заснул, хотя на самом деле просто глубоко задумался. Меня осторожно потрясли за плечи, и я вернулся в реальность. Первым делом посмотрел на часы, двенадцать тридцать на циферблате.

– Половина первого ночи, – Мария поцеловала меня в макушку. – Ложись отдыхать. Пойдёшь умываться, посмотри на свои глаза!

Я посмотрел. Да, глаза красные, смотреть страшно.

В общем, мы не поняли, отчего именно Мусохраново. Разве что причина в том, что только эта деревня не меняла названия с того момента, как её посетил Шилов. Все окрестные были переименованы, а некоторые неоднократно. А вот эта оставалась неизменной. С точки зрения стороннего наблюдателя, текла там неторопливая, ни на что не обращающая внимание жизнь. Снаружи деревня могла показаться заброшенной, а дома нежилыми. А на деле, если присмотреться повнимательнее, все дома крепкие, везде чистота и порядок. Просто не всем это дано видеть.

Вот как. И всё равно непонятно, почему именно мы приехали именно сюда. Вроде бы выбирали честно; написали названия населённых пунктов и устроили небольшую такую лотерею.

«Значит, судьба такая», – сказал я сам себе мысленно,

и тут всё встало на свои места. Не то чтобы я верил в предопределения, наверное, именно мне это было нужнее всего.

Как выяснилось, не только мне.

* * *

Утром следующего дня я направился в приёмную графа Толстого – отчитаться, если можно так сказать. Никто из команды, кроме меня, не нашёл серьёзных свидетельств о Шилове. Что неудивительно; уже считающуюся мифической рукопись искали многие годы, и люди там вряд ли были глупее нас. Но ведь не нашли!

Что вновь заставило меня задуматься: «А чем таким отличался именно мой маршрут?».

Что неприятнее, хоть убейте, я не мог вспомнить, что же я там читал, в той избе! Помню, что читал. Но теперь не мог вспомнить ни слова. Совсем с ума схожу? Позвольте, а как же граф Толстой, Ульянов-Ленин и господин Бронштейн, в моей версии прошлого более известный как Троцкий? Это что, если не сумасшествие?

Стоп. Прочь эти мысли. И я вошёл в кабинет графа, у которого уже стоял несколько минут подобно памятнику.

Теперь «штаб» стал собираться у меня дома несколько раз на неделе. Похоже близнецы знали гораздо больше, нежели предполагалось; папа с мамой и их друзья ищут что-то интересное. Клад! Давно спрятанный! Естественно, что они в меру воображения включились в процесс. А вечером, когда гости расходились, увлечённо отыгрывали в своей комнате свои версии происходящего. Там фигурировали и пришельцы с Марса, и люди из другого времени.

Однако пришельцем с Марса ощущал себя в основном я сам. Меня уже не могло удивить изменение в истории, происходящее всякий раз, когда я докладывал графу о находках.

И – первое открытие. Из разговора с давешним стариком я отчётливо помнил фамилию Самарского. Тот ли самый? Если да, это уже не совпадение. И я отправился читать труды профессора. По счастью, почти всё можно было приобрести в электронном виде, но читать я всё предпочитал именно в виде книг в самой большой библиотеке за Уралом.

Пришлось настроить будильник в телефоне, чтобы напоминать, что пора и честь знать, домой ехать. Пожилая улыбчивая женщина, в прошлом преподаватель литературы, помогала мне в поисках. Её не удивило упоминание о Шилове, хотя и она внесла свою лепту неверия: «Ничего не найдёте».

Целые армии учёных перерывали книги, искали намёки.

Все знают, что Шилов мастерски разыграл свою смерть, когда стало понятно, что его просветительская деятельность не согласуется с тем, что нужно новой власти. Но он не уехал за границу, а остался здесь, растворился в том самом народе. Только когда он умер, уже в середине сороковых, его «выдали». Но шла война, и похороны философа прошли незамеченными. То, что похоронили именно Шилова, выяснили много позже.

Больше всего отсылок к Шиллову я нашёл... в макулатуре. Причём буквально: возвращаясь как-то раз из санитарно-гигиенического закутка, я свернул не туда и почти по-настоящему заблудился; подвалы в библиотеке не то чтобы бескрайние, но выглядели настоящим лабиринтом. Дверь в одном из тупиков была приоткрыта. Как потом пояснила библиотекарша, там складывали книги, судьба которых была под вопросом. Там собирались книги или ничего толкового не содержащие, или уже не подлежащие восстановлению. К моему (и библиотекарши) удивлению, я увидел на самом верху стопок сочинения современников Шилова. Ничего никому уже не говорящие имена; едва я открыл первый же том, наткнулся на почти подробное пояснение привычек Шилова: «уходил в народ и говорил со всеми, кому был нужен совет». Причём без указания имени. Нечего и говорить, что почти все книги из той стопки были при мне реабилитированы и отправлены на реставрацию.

Значит, он ушёл в народ вместе с книгой. Остальное цен-

ное, чем он дорожил, было у Шилова в голове. «Всё моё с собой ношу», – мог бы сказать он; и, вероятно, говорил.

Так-так... я листал переписку одного из литературоведов того времени, на монографии которого ссылался Самарский, и взгляд словно споткнулся.

В письме явно упоминался эпизод из жизни Шилова, о котором любил повторять Самарский. Когда к Шилову явились представители власти и предложили работать в комиссариате, ведать вопросами просвещения, Шилов категорически отказался. «Мы хотим учить народ разному, – был его ответ. – Пусть он сам решит, чья наука ему милее».

Наивный человек. Его многие полагали наивным, ведь словно воду в песок выливал; все эти его походы в народ, попытки организации школ, всё прочее – ушло ведь всё, сгнило, расточилось бесследно.

Или не бесследно?

Я опомнился, только когда телефон напомнил, что пора домой. А ведь я нашёл что-то новое! В этой книге ни слова о Шилове, но ведь говорилось именно о нём!

А если нашлась одна ссылка, отыщутся и другие.

Это понимание придало силы всем нам.

Реприза

10

Как-то между делом пришло сообщение, что господин Бронштейн был назначен министром. С повышением, значит. Я уже отчасти привык к тому, что он интересуется нашими поисками. И когда я сообщил, что несомненно нашёл ссылки на Шилова в письмах и трудах его современников, министр приехал к нам сам.

Я и не ожидал его увидеть лично, но увидел. Слабая, но ещё живая часть меня, которая возмущалась самому допущению, что граф Толстой и прочие могут быть современниками, похоже окончательно сдалась, едва я увидел господина министра в старомодном пенсне, с тонкими губами, изящно подстриженными усами и стальным, непреклонным взглядом.

– Рад встрече, господин Ерёмин, – приветствовал он меня коротко и энергично. И сразу же взял быка за рога, вежливо попросил ознакомить его со всем, что найдено.

Не со всем, но ознакомил. Что-то подсказывало мне, что опыт поездки в Мусохраново я пока не стану доводить до всех, слишком уж это личное. А вот нашедшиеся упоминания (без явного указания имени), отсылки в художествен-

ных книгах, сборниках писем, учёных трудах – несомненные указания на Шилова – произвели на министра большое впечатление.

– Ходили слухи, что Шилов принял меры, чтобы при любом развитии событий его основной труд уцелел. – Министр снял пенсне (отчего взгляд его ощутимо утратил жёсткость и грозность) и аккуратно протёр нарочитым платком (им, как я уже знал, и только им, он протирает свою зрительную снасть, ничего более тот платок не касается). – Чутьё подсказывает, что вы ближе многих других подошли к пониманию того, как он это сделал. Но примите мой добрый совет: когда отыщете «Основы», не спешите их публиковать для широкой публики.

Он сказал «когда». Не «если», а «когда».

– Можно узнать почему, господин министр?

– Можно просто «Лев Давидович». Это сложная книга, Константин Николаевич. Неоднозначная. Она и тогда успела наделать дел, да и сейчас может.

Вот это пироги с котятами! Министра пугают ставшие уже мифическими «Основы»?!

– Простите, каких дел?

– Разных, господин Ерёмин, разных. Крестьянские бунты были самым безобидным последствием. Разумеется, книгу нужно сохранить, снять копии, но не торопитесь её публиковать. Пусть вначале изучат специалисты.

– Одно обещаю, что дам вам знать, если найду, – поднял-

ся я из-за стола. Особого настроения продолжать свидание с господином министром у меня не было. – Остальное обсудим потом.

– Верное решение, господин Ерёмин, – улыбнулся министр и отбыл без суеты столь же стремительно, сколь и появился.

Я долго ещё сидел над очередным томом, в котором нашёл ссылки на Шилова. Уже телефон повторно напомнил мне, что домой пора, а я всё сидел и думал. Я отчётливо понял, что хотел сказать министр. «Если книга найдётся, то она уже с гарантией никогда не должна увидеть света». Именно это он имел в виду, я чувствовал подлинный смысл в его взгляде. Но с кем посоветоваться на эту тему?

Я решил, что разговор с Ульяновым и графом Толстым не повредит.

* * *

Ульянова не было поблизости, но граф Толстой охотно согласился поговорить.

– Я слышал мнение специалистов, – отозвался он, едва я закончил рассказ, – что сама книга не содержит по сути ничего особо нового. Шилов был великим психологом, хорошим оратором и демагогом. В этом вся суть.

– Простите?! – удивился я. – Демагогом?

– В первоначальном значении, господин Ерёмин. Дема-

гог, сиречь тот, кто умеет говорить с народом. Суть всегда в человеке, а не в книге, но книги могут менять многих людей, могут научить их думать. Возможно, министр опасается именно этого.

Дичь какая-то. У нас что, средние века? Примерно так я и спросил.

Граф загадочно улыбнулся и развёл руками.

– Люди, с которыми Шилов общался непосредственно, изменили мышление сотен и тысяч иных людей. Выстояли против великих испытаний, они являются опорой нашей державы, хотя держава и не выражает им должного уважения. Шилов учил, как научиться уважать и понимать себя, и как выстоять против всего, что уготовила судьба. Хотя он и не был фаталистом. Ну-с, давайте ближе к делу. Вы отыскиали сведения о Шилове? Поразительно! Я не ошибся в вас, господин Ерёмин. Несомненно, это открытие! Я тотчас же помогу вам связаться со специалистами в этой области. Вас что-то тревожит?

Несомненно. Меня тревожило, сколько раз Шилов ставил дом, малую родину человека, во главу угла. Все найденные, разрозненные и неупорядоченные, цитаты всегда указывали на дом. И только сейчас до меня дошло, что первоначальный дом Шилова находится здесь, в Новосибирске.

Естественно, его осматривали и обыскивали, только что по досточкам не разбирали. И ничего не нашли. Может и мне стоит посмотреть? Скорее всего, книгу Шилов раздал по гла-

вам доверенным людям. Я общался только с одним из них, а сколько их всего? И как их искать? Неизвестно. Но в доме Шилова определённо стоит побывать.

– Дом Шилова. Его готовят к сносу, – пояснил я. Граф побагровел.

– К сносу?! Когда? Кто посмел?! – он бросился к телефону, сухо и вкратце дал несколько указаний. Забавно, что у него на столе стоит компьютер, причём из очень современных, но на моей памяти граф никогда к нему не прикасается. – Спасибо, что предупредили, господин Ерёмин! Это возмутительно. Поразительно, на что только ни пойдут чиновники ради взятки! Езжайте тотчас в дом Шилова. Все бумаги и прочее я сейчас же подготовлю. На вас, и на всех, кому вы доверяете. Не медлите!

11

Что и говорить, идея посетить дом Шилова привела Марию в восторг. Близнецов она обрадовала куда меньше, поначалу родители обещали им, что летом будут чаще проводить время с ними, и вот на тебе – взялись за какие-то поиски! То есть сами поиски – это классно и здорово, но проводить все дни роясь в книгах? В скучных беседах о философии? Наконец, близнецам было заявлено, что родители ищут клад. Естественно, мальчишки потребовали участвовать в процессе. А как иначе? Кто, кроме них успел так много узнать про

то, что такое клад, и где именно их ищут?

Однако их энтузиазм приугас, когда выяснилось, что нет ни острова сокровищ, ни оставленных щедро знаков, а самое главное, что мы не первые, и даже не вторые из тех, кто пытается найти пресловутый клад. Ну разве так бывает?! Если клад искали тысячи других, там и искать-то уже нечего! Пришлось напомнить им про «Остров сокровищ», где клад нашли только те, кому он и достался.

Я не стал до поры уточнять, что кладом может быть просто книга. Тем более без картинок и разговоров, а следовательно, неинтересная. К великому облегчению меня и Марии, близнецы великодушно поручили нам самую скучную работу, но пришлось обещать им, что когда клад найдётся, они возьмутся за самую важную – его изучение.

На том и порешили. К дому Шилова мы приехали сами; дом выглядел неважно. Как водится во времена перемен, стоило только открыть ограду (пусть днём всё вроде бы и под присмотром) как начали добро растаскивать. До сих пор не могу понять таких людей. Наши пропуска произвели магическое действие на охрану. За очень высокими подписями нам разрешалось произвести любые действия, не приводящие к порче, приведению в негодность... и так далее.

Вопреки моим подозрениям, внутри дома – поместья – оставалось много и обстановки, и остального. Разграблению подверглись в основном подвалы, но там не было предметов старины, а хлама, который все владельцы дома поочерёдно

запихивали в подвал, было не очень жалко.

Охранник не стал идти за нами по пятам, вручил ключи и порекомендовал быть осторожнее, местами пол уже ветхий.

Мы вошли в гостиную и стали думать, что же мы ищем, и как это делать.

* * *

Как отыскать что-то ценное в ситуации, когда до тебя здесь уже побывало великое множество внимательных людей, с подходящими инструментами? Прежние кладоискатели в поисках тайников простукали и просветили все стены, заглянули под пол, разобрали каменную кладку в подвале. Тайники есть, они сохранены для истории. В доме их тьматмушая, тайников: Шилов, действительно, остался по сути своей ребёнком, любил таинственность и загадки. В тайниках оставили то, что там лежало, в основном это были детские сокровища: ракушки, камушки, таинственные послания на неизвестном науке языке (который автор его, подозреваю, забыл минут через пять после сочинения послания). Записки, камушки и прочее лежали теперь в пластиковых пакетиках, чтобы время в компании с сыростью, муравьями и плесенью не разрушили их окончательно.

Очень мило. Так что же искать, и где искать? У нас тоже есть инструменты. Ломать и отдирать ничего не собираем-

ся – пока что во всяком случае. Да и смысл? Стены дома перестраивали, тайники, которые в комнатах, почти все реконструированы, некоторые по несколько раз. От того дома, который был при Шилове, остался фундамент, подземные этажи, там были кладовые и ледник, да часть стен первого этажа. Вот и всё. Остальное давно уже заменено. В семидесятые дом был серьёзно повреждён пожаром, после которого полностью заменили крышу и чердак, так что и там уже искать нечего.

Что же мы ищем, и зачем?

– Корни, – проговорил я, когда понял, что Мария как и я, ломает голову над основным вопросом всех времён и народов: «Что делать?». – Шилов всегда говорил о корнях. Что люди подобны деревьям, могут расти, творить и чувствовать, только пока живы их корни. Где у дома корни?

Мы переглянулись, и помчались по лестницам вниз, в самый низ, к корням дома.

* * *

Мы ходили по просторным помещениям глядя на каменную кладку. Мастерски сделано! Камни уложены вроде бы случайно, но как нам охотно объяснил сотрудник краеведческого музея (именно его люди до вчерашнего дня пытались отстоять дом, не дать его окончательно разрушить), камни обтёсаны так, что каждый из них можно уложить единствен-

ным образом. Не спрашивайте, зачем так сделано, и сколько в это вложено труда. Зато дом стоял полтора века, и ещё может простоять сколько угодно: фундамент его можно разрушить только очень сильным землетрясением или аналогичной катастрофой.

Камни! Их вынимали, искали пустоты за ними (и находили!) и ставили назад. Практически перебрали всю кладку. Часть её, где ультразвук, или чем там пользовались для поиска пустот, не обнаружил тайников, не тронули. Так что даже старинный цемент, который не всякое зубило с первого раза возьмёт, в основном цел.

Думай, голова, думай. Тайники устраивались так, чтобы не было нужды разрушать кладку, ломать дом. Верно? Верно. Шилов строил свой дом на века. Если что-то есть, оно всё ещё в тайниках. Звучит глупо, ведь оттуда давным-давно всё выгребли, а были там и драгоценности, самые обычные, из презренного металла и камней.

– Что может быть спрятано в тайнике, из которого всё извлекли? – поинтересовался я, не очень ожидая ответа. И вместе с Марией сам себе ответил – камни.

Мы переглянулись. Ну камни, и что? Их тоже простукали, просветили «лучом» ультразвука. Если были бы пустоты, давно бы уже камни все разломали, вынули оттуда, что там осталось, если осталось. Да и камни тут огромны, в самом основании иные были размером с человека. Мы с Марией физически не одолеем vorочать их. И никаких способов

просветить, простукать. Впрочем, у нас есть пара молотков, большой и маленький. Но, повторюсь, мы не первые, кому в голову пришла такая идея.

Есть ли он вообще, этот таинственный клад? Мария дела-ла фотоснимки всего, что было вокруг, мы открыли все известные тайники и сделали снимки их интерьеров (хотя тот самый сотрудник уговаривал взять уже готовые).

Через три часа, все в пыли, плесени и бог весть в чём ещё мы покинули поместье. Охрана досмотрела нас как положено, выносить без разрешения ничего нельзя. Неприятная процедура, но что поделать.

Близнецы с восторгом выслушали наш рассказ, о том, как мы искали ключи к тайне клада. Им и так было понятно, что подлинный клад спрятан очень, очень надёжно! Это ложные клады на виду, чтобы их забрали, и перестали интересоваться. А настоящий всё ещё там!

Их вера в то, что настоящий клад ещё не найден, удивительным образом передала и нам веру в то, что поиски не напрасны. Ведь Шилов действительно знаток мистификаций, он должен был предполагать, что новые владельцы дома не поленятся разобрать его по камушку, чтобы отыскать всё спрятанное. Вопрос, сумел ли он перехитрить кладоискателей?

Следующие дни мы с Марией таращились на фотографии из подземелий, тщась отыскать хотя бы какую-то закономерность. Умница Мария, она всегда снимала так, чтобы легко было привязать снимок к местоположению в доме. Так что даже если стереть все наши пометки, всё равно можно восстановить, что откуда.

В фундаменте дома семь тайников. В самом малом поместится разве что кошка; в двух самых крупных вполне устроится и взрослый человек средней комплекции. Признаться, отчасти я боялся найти в тайниках кости, или что похуже. Начитался Эдгара По, что ещё добавить. Но в тайниках было сухо, чисто, чуть ли не стерильно: их действительно осматривали по всем правилам науки.

Надо отдать близнецам должное, они нашли закономерность. Возможно потому, что увлечённо читали «Записки о Шерлоке Холмсе» в последние дни. А может потому, что смотрели свежим взглядом.

Они указали на прерывистую линию, которая была видна на поверхности трёх крупных валунов в кадре. А я припомнил, что нечто подобное видел в той избе, где мне дали прочитать отрывки из «Основ». Хоть убейте, не помню, где именно видел. Но посмотрел на фото и вспомнил.

Во второй раз мы не сразу направились к тому самому тай-

нику. Видимо, прониклись неведомо откуда взявшимся духом конспирации, и вначале просмотрели несколько остальных.

* * *

Камень на вид как камень. Ну да, вот они, узоры – не очень понятно, как их нанесли. Возможно, вытравили правильными веществами: Шилов достаточно хорошо разбирался в химии, ведь он и фотографом был, сам запечатлел многое (жаль, что оригиналы фотографий канули все до единого).

Так или иначе, а узоры на камне, если немного присмотреться, указывали на вполне определённую его часть. Я постучал по камню молотком – ничего. Никаких пустот. Были бы пустоты, их бы до меня обнаружили.

Но что-то ведь есть именно в этом камне! Я стукнул молотком сильнее, выкрошив часть поверхности, и увидел, что часть камня, казалось, слегка вошла внутрь. Ударил сильнее, рискуя привлечь внимание охраны. Часть камня отчётливо вошла внутрь, а затем... чуть приподнялась, выступила над поверхностью. Мы обменялись взглядами с Марией, и в её глазах я увидел восторг.

Не сразу удалось вытащить отошедший от основной массы камня кусок. Ай да Шилов! На самом виду стоит камень, а его никто не попробовал разломить, изучить? Хотя нам говорили ведь, что все пустотелые камни были разбиты и всё,

в них находящееся, передано в музей для изучения.

Помогли ложные клады, значит. Я не очень удивился, обнаружив внутри небольшого (относительно) тайника завёрнутую в промасленную ткань жестяную коробку. Коробка, в свою очередь, была тщательно облита воском (или чем-то наподобие) для герметичности.

У меня сильно тряслись руки, когда я доставал коробку. Едва не забыли о конспирации: подстелили газету, прежде чем соскрести восковое покрытие. Надёжное, не сразу отошло.

Внутри была книга, несколько тетрадей. В идеальном состоянии, словно вчера только спрятали. Вот он, клад!

– Надо переснять! – шепнула Мария. Фотоаппарат ей оставили, с ним можно входить. Никого не волнует, что мы вынесем внутри фотоаппарата.

И мы начали переснимать. Долгий процесс, но мы не обращали внимания на время, просто делали копии, и всё. Очнулись только, когда явственно послышались голоса: кто-то ещё осматривает дом. Чёрт!

Книга оказалась не очень большой. Обёрнутая в пластиковый пакет, она отлично поместилась в мою сумку. Очень удобно, как выясняется, ходить с сумкой, в которую не сминаясь помещается лист формата А4.

Промасленную тряпку мы оставили внутри тайника, его «крышку» я вставил, не очень уже заботясь о конспирации: всё равно заметят, если возьмутся изучать. Сейчас главное –

добраться вместе с книгой до Толстого или Ульянова.

Мы прошли из дальней комнаты-кладовки, где был спуск в подвал, в гостиную, когда поняли, что в ловушке.

* * *

– Рад видеть вас в добром здравии! – Министр Бронштейн явно в хорошем настроении. – Господин граф велел передать, что ассамблея начинается через... – министр глянул на часы, – сорок минут.

Мы переглянулись с Марией. Вот незадача, я и впрямь за-был всё на свете! Ну да, мы ведь не собирались здесь задерживаться. Но задержались.

Нас обступили ещё четыре человека в ладных костюмах, со спокойными выражениями не запоминающихся лиц. Один из них отнял у Марии фотоаппарат (и то сказать, мы очень уж растерялись), другой попробовал забрать у меня сумку. Но тут уже я успел очнуться.

– Это как понимать, господин министр? – я понял, что злость придаёт мне сил. Заметил, краем глаза, что и Мария пришла в себя. – Почему вы нас задерживаете?

– Например, можно понимать ваши действия как вандализм. Если будут сомнения, мы спустимся в подвал и найдём свидетельства. Отдайте сумку, господин Ерёмин. Прямо говорю, так будет лучше для всех.

Видно, он по-своему понял мой жест, когда я оглянул-

ся в сторону спуска в подвал. Господин Бронштейн кивнул, и двое из его свиты – один из них тот, что отнял фотоаппарат – направились в указанном направлении.

– Правильно, господин Ерёмин. Пусть остаётся там, где вы нашли её. Тогда...

Нам достаточно было просто переглянуться. Не знаю, что на нас нашло. Возможно, я понял, что задержись мы тут – и книге конец. Мария, на вид сама покорность, сильно толкнула одного из людей министра, и тот кубарем полетел на пол через кресло. А я схватил со стола массивную пепельницу, и с размаху ударил второго куда пришлось. Уже убегая и держа Марию за руку, я оглянулся. Господин Бронштейн так и остался стоять – улыбаясь нам вслед.

* * *

Охраны снаружи не было. Интересно, зачем её отозвали? По уму, наоборот: надо перекрыть дом и подступы. Возможно, господин министр вовсе не ожидал никакого сопротивления.

– Костя, беги скорее! – Мария указала мне направление. – Я поеду домой, заберу детей – и к маме. Господин граф точно будет на открытии. Передай ему книгу!

Я не стал пытаться её отговаривать. Видно было, что Мария прихрамывает – это не помешает ей вести машину, но бежать со мной так же быстро Мария не сможет.

Я остановился у угла соседнего здания, оглянулся – наша машина мягко тронулась и через полминуты уже свернула на проспект. Отлично. А ещё через несколько секунд из ворот дома выбежало несколько человек.

Я бросился дальше, прежде чем они успели меня заметить. Здешние улицы все кривые и сходятся под странными углами, но я-то знал их все! Оставался шанс, что среди людей министра не так много знатоков здешнего ландшафта.

В здание библиотеки я вошёл со служебного входа. Спасибо графу за пропуск – мне так часто приходилось спускаться в хранилище, что Толстой выхлопотал мне удостоверение: можно являться сюда через вход для сотрудников, в любое время суток. Вот и сгодилось!

Я быстрым шагом двигался через пустынные коридоры мимо дверей в хранилища, когда услышал шаги. Запоздало.

Удивительно, но господин Бронштейн был один. Настолько уверен в себе?

– Потрясающе, господин Ерёмин. Положительно, вы очень ценный сотрудник. Мне нужны такие люди, как вы – готовые ради книг на всё. У меня для вас новость.

Господин министр добыл из футляра на поясе модный дорогой телефон, по сути целый компьютер, и поднёс его к уху. Сказал пару слов, улыбнулся и протянул мне.

– Костя, здесь чужие люди! – услышал я голос Марии. Чувствовал, что она испугана, но не до полной потери самообладания. – Мы в ловушке. Они не дают нам уйти.

Господин министр отнял у меня телефон и вернул его в футляр.

– Убедительно? Не бойтесь, ничего с ними не случится. Просто отдайте мне книгу, господин Ерёмин.

Так и смотрел, отечески улыбаясь из-под стёкол золочёного пенсне. Ну да, что теперь беспокоиться?

Я не думаю, что особо удивил его. Я знал, какие из дверей хранилищ открыты, и в каком из них есть спуск в подвал. Министр не стал за мною гнаться. Просто стоял и смотрел, улыбаясь, вослед.

13

Нет, я не сошёл с ума, бросая Марию и близнецов на произвол судьбы. Просто я прочёл в её послании кодовое слово. Оно значило простую вещь: «Мы в безопасности, не беспокойся». С минуты на минуту господин министр может обнаружить, что мне нечем угрожать. Не знаю, что там дома случилось, но Мария дала понять, что не всё так ужасно.

Ну, почти. А пока что... Я понял, что едва не заблудился тут среди подвалов. Тот памятный закуток, где давеча нашлась стопка книг, был забран решёткой, заперт на огромный замок. Да и ладно, своё дело он уже сделал.

Но тут я вспомнил, что у меня с собой фотоаппарат в телефоне, а книгу я, как ни крути, могу и не сохранить. Телефон полностью заряжен – спасибо Марии, заставившей ме-

ня вчера всё зарядить. Я принялся фотографировать страницы, осознавая, что часть снимков будут смазаны. Пусть так! Почерк Шилова, крупный и разборчивый, всё равно удастся разобрать.

Я сделал почти три четверти книги, когда в телефоне кончилось место для фотографий, да и батарея уже изрядно села. Проклятье! Я почти час провёл тут, делая снимки! До начала открытия конвента оставалось всего ничего.

«Вот так вот, господин министр, – подумал я. – Вы ведь уверены, что я не стану прятаться у вас под носом, я же не опытный подпольщик, у которого в голове всегда множество планов на все случаи жизни. Вы будете ждать меня снаружи, чтобы я не „просочился“ на мероприятие, не передал графу или Ульянову драгоценный груз».

Шум голосов я услышал внезапно и повернул в сторону двери, из-за которой они раздавались. Чудо, что и эта дверь не заперта!

Сам не знаю каким образом, но я сумел проникнуть за кулисы. Странно, что господин министр не поставил здесь своих людей. Впрочем, рано было радоваться, я увидел как минимум пятерых из них в зале, полном разнообразного литературного люда. Из знакомых я узнал только Бирюкова-младшего, с неизменной трубкой во рту, да графа Толстого. Оба они вели увлекательную беседу и красочно жестикулировали.

– Дорогие друзья! – микрофон взял не кто-нибудь, а лич-

но господин Бронштейн. – Я рад видеть здесь, на открытии нашей с вами ассамблеи, столько знакомых, а более всего – незнакомых лиц. Теперь никто не сможет поспорить с тем, что Сибирь...

Он пел соловьём почти пять минут, я уж начал задрёмывать. И проснулся, как от толчка в бок.

– ...господина Ерёмину, – добавил министр. – К огромному сожалению, дела не позволили ему...

– Позволили, господин министр, спасибо, – выступил я из-за кулис и под бурные аплодисменты забрал у него микрофон. – Прошу прощения, что задержался. Буду краток: поиски, которые мы вели с моими друзьями... – Я обвёл взглядом весь зал: там были почти все они – все с кем мы начинали возрождать конвент. – Так вот, эти поиски завершены. Перед вами – «Основы» Петра Шилова, – поднял я книгу над головой. Зал вздохнул практически в унисон. – Я уже сделал фотокопию и отправил её на экспертизу. Я думаю, теперь никто не посмеет усомниться, что Пётр Шилов существовал, а учение его очень вовремя отыскало нас спустя столько лет. Я...

Министра рядом не было. И, едва я это обнаружил, грозно и пронзительно грянула пожарная тревога.

– Спокойствие, господа, – увещевал всех граф. – Просьба покинуть помещение. Не беспокойтесь, не волнуйтесь, выходите все спокойно.

Я оглянулся и понял, что все подступы к сцене перекрыты людьми министра. Тревога, похоже, тоже его рук дело. Толпа

вытекала из зала через дальние двери, и мне махали граф, Ульянов и некоторые из друзей – ясно было, что звали с собой, прочь отсюда.

Люди министра бросились на сцену. Только чудом я не дал себя схватить и помню отчётливо, что кого-то от души ударил портфелем с книгой внутри, кого-то попросту пнул.

Я выбежал в коридор и сразу почувствовал запах гари. Пожар настоящий? Однако настоящий огонь или нет, а топот за спиной оказался самым настоящим. И куда я теперь? Не знаю уж, каким чувством я понял, почуял, что в одной из комнат дальше по проходу можно спрятаться. И я побегал.

Свет погас, когда я добежал до той дверцы. Теперь уже не было сомнений, воздух стремительно замещался дымом. Только задохнуться не хватало! Однако я не мог сдаться, не мог бросить книгу. Сейчас уже ничто не могло бы заставить меня отступить.

Я задвинул засов; подсобка заброшена, но дверь вполне ещё крепкая – и осветил комнатку изнутри экраном телефона. «Мы в безопасности. Где ты?», спрашивала меня Мария, сообщение пришло только что. Что я мог ответить?

В дверь начали стучать. Сразу не вышибут, и передо мной теперь две задачи: спрятать или книгу, или телефон так, чтобы не нашли. Тогда сохранится хотя бы одна копия. Дверь не была герметичной; воздух в ней быстро станет непригодным. О, кирпич шатается в стене! Замечательно! Я успел

достаточно рассмотреть нишу, открывшуюся за кирпичом, чтобы даже с выключенным телефоном запомнить, куда положить ценный груз. Должен выдержать, пластиковый пакет достаточно герметичен. А кирпич пригодится, чтобы...

Я примерно оценил, откуда вот-вот появятся преследователи, и приготовился к обороне. Помню только, что с грохотом рухнула дверь, и я замахнулся кирпичом.

И отключился. Как лампочка, разум и чувства угасли мгновенно.

Кода

14

Я смотрел в потолок. В голове было неприятно – сыро, мысли ворочались с трудом. Ну да, отравиться дымом – дело нешуточное.

Помещение знакомое. Несомненно, это больница. Вот только почему всё кажется знакомым?

Я приподнялся на локте (в голове словно петарду взорвали, так больно мне давно не было), и, уже падая назад, успел заметить письменный стол, украшенный сверху компьютером и стопками книг. И книжные полки. Ещё успел заметить, что обои с геометрическим узором.

Дверь беззвучно отворилась и вошла девушка, на долю секунды мне показалось – Мария. Но не она. И странно, я давно её знаю, несомненно, но откуда?

Следом за ней вошёл врач. Вот этого я не помнил даже смутно, и не хотел запоминать. Не люблю врачей, что поделывать.

– Костя? – Девушка взяла меня за руку, и в голове вновь что-то взорвалось. За какую-то долю секунды я вспомнил многое. Да так вспомнил, что на короткое время жить захотелось.

Меня и в самом деле зовут Константином, только фамилия моя – Загорский. Девушка – Вера Загорская, моя супруга, мы вместе уже седьмой год. И... память приходила потоками, от неё становилось физически больно.

– Замечательно, замечательно, – улыбнулся врач. – Вижу, всё помните. Нет-нет, не пытайтесь встать, отравление – дело нешуточное. Вот завтра уже сможете встать.

– Я в больнице? – Я не мог глаз отвести от Веры. Смотрел бы и смотрел. И... чувствовал себя ужасно виноватым. Я понял, что она недавно плакала. И плачет в последнее время очень часто.

– Нет, вы дома, – возразил врач. – Нет никаких оснований для госпитализации. Теперь, когда вы всё вспомнили. Основное вспомнили, остальное постепенно вернётся.

Вскоре он ушёл, оставив на столе лекарства, а Вера придвинулась поближе и улыбнулась мне сквозь слёзы.

– Извини. – Смотреть ей в глаза было непросто. Да, теперь я понимал, что почти два месяца жил в другом районе города, придумал себе другую фамилию и нашёл новое место работы...

– Диссоциативная fuga – так это назвал врач. Он объяснил, что ты был очень недоволен тем, как живёшь и мечтал о чём-то недостижимом. Настолько сильно мечтал, что однажды отказался от реальности и бросился в фантазию с головой. Взял другое имя, придумал другую биографию. Ты даже верил, что женат на другой женщине и у вас двое детей.

При том, что у нас детей пока что нет, – просто сказала Вера, внешне оставаясь вроде бы спокойной.

– Не стоит очень переживать, – обнадежил нас врач перед уходом. – Фуга случалась со многими, в том числе с великими. Например, с Агатой Кристи. Да-да, и с ней тоже, представьте себе! Главное, что вы нашли смелость вернуться в реальность, признать, что здесь ваше место. Теперь можно не беспокоиться.

Одно было общим: и Константин Загорский, и Константин Ерёмин отчаянно пытались возродить литературный конвент в Новосибирске. Вот только Загорский обратился к администрации города, и везде получил от ворот поворот. Да, ещё одно общее: и там, и здесь у меня есть друзья. Они очень помогали мне с организационными вопросами, пусть даже здесь, в реальности, мы ничего пока не добились...

– Всё хорошо. Просто выздоравливай, ладно? И не убегай от меня больше. Мы всё сумеем изменить, теперь точно сумеем, да?

* * *

Мы гуляли с Верой. Много гуляли, мы специально проходили по всем тем местам, по которым любил гулять Ерёмин. Частенько сживали в том самом кафе, где я говорил с Толстым и Ульяновым. Чёрт, пару раз мне даже показалось, что я узнаю запах ульяновского табака, но... Прочь, прочь.

В этой реальности всё по-другому.

Я вспоминал, кого именно воображение назначило на руководящие посты, и чем они там занимались. А занимались они... творчеством. Так странно говорить это про чиновников, но они поддерживали то, что по Шилову, составляет суть человека – умение и желание создавать. Правда в основном сил людей хватает на основное, фундаментальное творчество – оставить после себя детей и научить их мыслить, быть самими собой. Не у всех хватает сил даже и на это – проходят, расточаются и не оставляют после себя следа. А исторические личности, пригрезившиеся Ерёмину (может, за исключением Бронштейна), рьяно охраняли слабые, едва живые ростки культуры, пробивавшиеся сквозь пепелище...

И что бы это значило? В событиях фуги, если только вам удастся припомнить её суть, заключено объяснение. Почему именно так? Я не очень пытался искать смысл: если уж жить, то оставаясь Загорским. Как минимум у него есть подлинные, а не воображаемые родные и близкие.

Меня нашли, когда я спасал книги. Пожар в библиотеке – коротнуло в подсобке – только чудом её не уничтожил. И говорят, что справился с огнём не кто-нибудь, а именно я, причём практически в одиночку. Не дал огню добраться до хранилища, спас почти все книги. И чуть не задохнулся. Конечно, при мне не было портфеля с «Основами», а телефона и вовсе не нашли. Теперь я уже не был уверен, что хочу

возвращаться на место событий. Во-первых, не пустят. Во-вторых, а вдруг найду его?

– Не молчи! – Вера потянула меня за руку. – Пожалуйста, говори со мной. Мы долго почти не разговаривали, и вот чем всё кончилось! Что тебя беспокоит?

И я рассказал, что. Честно, глядя ей в глаза.

– Мы должны побывать там, – решила она. – В каждом месте. Обязательно. Побываем, посмотрим, и увидим, что там ничего нет. Не спорь, Костя! Это важно! Ты ведь не боишься?

Я боялся. Но недолго.

– Умница! – она поцеловала меня. – Начнём с «Пентагона». Давай прямо сейчас!

15

В квартиру, которую снимал Ерёмин, мы пришли в последнюю очередь. Помню, что соседка по площадке, одна из тех всезнающих старушек, которые всё видят и всем докладывают, странно посмотрела на нас с Верой. Вернее, странно посмотрела на неё.

Квартира встретила нас спокойствием и приятными, совершенно домашними запахами. Вера прижала ладонь ко рту, словно хотела вскрикнуть, но передумала. На мой взгляд лишь помотала головой: «Всё в порядке, не беспокойся».

Я прошёлся по всем трём комнатам и кухне. Я уже привык к тому, что подробности быта Ерёминых почти полностью выветрились из памяти. То есть остались лишь фрагменты, смутные образы.

– Их никого не было, – объяснил мне врач. – Соседи рассказали, что слышали, как вы обращаетесь то к супруге, то к детям, когда открывали дверь, чтобы выйти наружу. Но их никого не было, поймите. Иначе бы их кто-нибудь видел. Вы сняли квартиру на полгода, не торгуясь, и владелец её не совал нос не в свои дела. Вы жили спокойно, не шумели, успели понравиться всем соседям по подъезду. А ваши разговоры непонятно с кем они трактовали как чудачество. Да, вы ведь считали себя литературным обозревателем. Мы пока не стали говорить главному редактору «Вестника», что с вами случилось. Он до сих пор недоумевает, куда делся новый сотрудник: внезапно появился, произвёл очень хорошее впечатление, практически сам создал и сделал очень популярной литературную колонку. И так же внезапно пропал. Как только придёте в себя, я советую прийти и поговорить с ним. Не обязательно всё рассказывать. Но вдруг ваше призвание действительно лежит в той области?

Я помотал головой. Присел на диван... и на долю секунды почувствовал, что Мария сидит рядом, прижавшись щекой к моему плечу, а близнецы прямо на полу. И мы смотрим фильм.

– Костя? – Вера осторожно потрогала меня за плечо. – Ты

устал? Может, достаточно на сегодня?

Нет ещё. Я попросил её проверить холодильник – нет ли чего испортившегося. Квартира «моя» ещё почти полтора месяца, можно не торопиться и вернуться потом. Но я хотел всё забрать ещё сегодня. Здесь мои вещи – раз я тут работал, тут всё и лежит. Нужно найти.

Искать оказалось недолго. В этой квартире я тоже успел обставить своё рабочее место так, чтобы всё было под рукой, все необходимые предметы были поблизости. Я сел за стол, за которым сидел в полной воображаемых домочадцев и друзей квартире многие недели. Я не чувствовал себя здесь чужим. Напротив, это моя квартира, настоящий дом. Как такое могло случиться?

Я протянул руку, понимая, что включу стоящий под столом, справа от меня, системный блок компьютера. И включил. Интересно, а он у меня откуда? Не хозяйское, дом сдаёт пенсионерка, у неё такой роскоши не водится.

Пальцы сами собой ввели имена и пароли. И я увидел десятки файлов, документы. Книжки, заметки, исследования. Когда я успел это сделать? Чем вообще занимался здесь на самом деле?

– Может, лучше всё это... – Вера не договорила «стереть». Наверное, побоялась произнести. Я тоже колебался, мне показалось, что прочитаешь эти файлы – и подхватишь безумие вновь. Фуга или как на самом деле называется это бегство практически удалась. Но потом я замер на месте, увле-

чѐнный новыми заботами, и реальность мало-помалу меня нагнала.

Вера стояла, сжимая мне плечи так, что уже становилось больно.

– Возьму на память. Если хочешь, прочитай ты первая, и скажи, что лучше с ними сделать.

Она кивнула. Я замер, завершив копирование, и мне послышалось... нет, разумеется, только послышалось, память альтернативной жизни едва теплилась, она не осмеливалась заявлять о себе в полную силу. Но я узнал звук: так шумели близнецы, когда, построив из конструктора военную технику, увлечѐнно освобождали выдуманные государства от тѐмных сил. Да-да, я вспомнил, мы произносили это с обеих заглавных букв – Тѐмные Силы.

Вера вздрогнула. Отпустила мои плечи и побежала туда, в детскую. Я пошѐл следом – мне не понравилось, что в доме стало тихо.

Вера стояла, прижав ладони ко рту. Я понял, почему она это сделала; мне и самому показалось, что вещи стоят чуть-чуть по-другому. А на столе оказались игрушки, собранные из того самого конструктора. Два самолѐта. Их не было, когда мы заглянули в детскую несколько минут назад.

– Нет, – поймала она меня за руку, когда я шагнул, чтобы взять один из самолѐтов. – Не надо. – Она повернула меня лицом к себе, пристально глядя в глаза. – Значит, близнецы?

Я кивнул.

– Ну, что получится, то получится, – произнесла она вроде серьёзно, даже сухо, но рассмеялась первой. Я рассмеялся следом. И наваждение вновь угасло, мы стояли среди пустой, но уютной квартиры, и ничто постороннее не давило на органы чувств.

– Не здесь, – прошептала она, отводя взгляд. – Только не здесь. Уйдём, хорошо? Не то мне снова станет мерещиться.

Жаркий воздух лета ударил в лицо, едва мы закрыли дверь подъезда, и окончательно привёл в чувство.

16

Отчего-то не спалось. Ни мне, ни Вере. Вроде бы всё осталось позади, и успели вчера выговориться – давно нужно было, давно – но проснулись оба. Как по сигналу.

Ночь. Ясная, тёплая ночь середины июля. Едва заметные успокаивающие звуки спящего города. Хотя какой там город, в лесу ведь живём. Мы переглянулись с ней и поняли, что сна нет ни в одном глазу. На часах едва за три, а мы уже выспались. Словно сговорившись, исполнили все утренние ритуалы вплоть до завтрака. Ничего не говорили, крепла уверенность, что думаем об одном и том же.

– Сейчас, да? – спросила Вера, когда с ночным завтраком было покончено. Можно было и не спрашивать. Да, сейчас.

Мы спускались по лестнице, и нас обоих отчего-то разби-

рал смех. Да. Прямо сейчас. Съездить в особняк Шилова, посмотреть и убедиться, что ничего того не было, и окончательно вернуться в этот мир по эту сторону фантазии. Признаюсь, очень милой фантазии. Я всё ещё видел, какими глазами Вера смотрела на меня, когда я описывал своих сыновей-близнецов из «потусторонней» жизни.

Что-то определённо нужно было менять в этой жизни. Не было бы счастья...

Я ехал осторожно. Улицы пустынные, но я всё равно не торопился. В приоткрытые окна то и дело забирался озорной утренний ветерок и приводил нас в чувство. Так и ехали, улыбаясь, но глядя в разные стороны. Что поделать, привыкли жить, не глядя друг на друга. Самое время отвыкать.

До самого здания пришлось идти пешком. В который раз возблагодарил чью-то беспечность: пусть опасное уже строение и было огорожено, но в заборе есть дыра. Надо просто увидеть.

Люди определённо стали добрее и лучше. В стародавнее время давно бы уже проникли сюда и растащили всё до последнего гвоздя, исписали бы похабными надписями. А сейчас бывший дом Шиловых оставался практически нетронутым. Ну да, дом под снос, но смотри, сколько всего внутри осталось! И мебель, и много чего ещё. И никто не позарился. Сам не знаю отчего, но это зрелище вселило в меня уверенность.

Вот и подвал. Мы уже были тут. С доктором и другими.

Уже убедились, что нет никаких тайников. Теперь я понял, зачем мы здесь: Вера должна убедиться. Сама. Конус белого света смахивал в стороны тьму, так и липшую к лицу, в подвале было сыро и тихо. Слишком тихо. Вот тут... Вот этот кирпич.

Он подался. А затем мы принялись долбить по соседним кирпичам. Вынули ещё несколько. За ними ничего не могло быть, то есть, не должно было быть. Но сейчас...

– Костя... – Вера вздрогнула. – Почему?! Ведь...

Она умолкла. А меня охватило и отпустило чувство нереальности. Я запустил руку – как тогда, в грёзах – и добыл жестяную коробку и всё остальное. Том «Подвижника», учебник истории. Я боялся поворачиваться. Боялся, что вместо Веры увижу Марию.

Но это была Вера. Она приняла все три предмета, глаза её были широки – не передать.

– Посвети! – она поставила коробку на один из ящиков и открыла. Я видел, как дрожат её руки. И там внутри было то, в существование чего никто не верил. «Основы» Петра Шилова, мало кому известного сибирского философа и просветителя.

– Свети! – она добыла из своей сумки кофр, а из него – фотоаппарат. И принялась снимать. Не могла удержаться. Я понимал, я тоже тогда сидел, читал и не мог остановиться. Не мог удержаться.

Она успела сделать снимки почти всей рукописи, когда мы

услышали шум. Мы оба. Вот-вот застукают! Здесь всё равно должен быть сторож, не хватало только, чтобы всё это отняли! Мы рассовали книги по сумкам, закрыли тайник. Жестяную коробку я обернул в куртку, чтобы не бросалась в глаза, и мы поспешили наверх. Теперь казалось, что тьма хватается за руки и за ноги, не желает отпускать с добычей. Но я не позабыл поставить кирпичи на место. На всякий случай.

Если честно, я не очень удивился, обнаружив у дома графа Толстого. Вера выбежала вслед за мной и чуть не вскрикнула.

– Лев Николаевич?!

Он кивнул, прижимая палец к губам. Чувствовалось – надо уходить. Побыстрее. Сам не зная почему, я развернул свёрток и передал коробку графу.

– Она здесь, Лев Николаевич. Пожалуйста, позаботьтесь о ней.

Он кивнул и принял драгоценный груз. Видно было, что и он смотрит на него благоговейно.

– Весьма, весьма признателен, – граф пожал руку мне, а затем Вере. – Вас никто не заметил?

Мы переглянулись и отрицательно помотали головами.

– Отечество вас не забудет, – граф едва заметно поклонился. – Господин Ерёмин, госпожа Ерёмина... было исключительно приятно с вами работать!

И отбыл. Быстрым шагом, в направлении той самой дыры в заборе. Едва он скрылся по ту сторону, с нас словно

оцепенение спало, мы помчались следом. И успели заметить графа, стоящего у роскошного автомобиля, словно нас ждал. Вера подняла фотоаппарат...

Я думал, граф отвернётся или закроет лицо. Отнюдь нет, он улыбнулся нам, помахал рукой и сел в машину. Сам водит, смотри-ка! Двигатель лимузина мягко заворчал, и авто медленно, почти неслышно скользнуло к повороту дороги.

– Смотри! – Вера показала мне экранчик фотоаппарата. Граф Толстой на фоне автомобиля. – Нам это не приснилось?! Ничего не понимаю!

Мы заглянули в её сумку. «Подвижник» и учебник спокойно лежали там. Вера пролистала карту памяти фотоаппарата, снимки неизвестных страниц книги Шилова никуда не делись. Мы снова переглянулись, уже откровенно ничего не понимая.

– Смотри же! – она сжала мою ладонь. Больно, я чуть не вскрикнул. Щит, у которого и была та дыра в заборе, не так давно извещал, что тут будет построен новый дом... и так далее. А сейчас там говорилось, что это – памятник старины, охраняется государством, и всё такое.

Мы долго стояли. Не знаю, как Вера, а я не находил слов. Но прошелестел поверх зябкий ночной ветерок, и мы очнулись.

– Едем! – Вера сжала мою ладонь. – Только молчи, ладно? И... я поведу. А ты сиди и молчи. И смотри на меня, ясно? Только на меня!

Проснулись, как всплыли из омута. Жаркого, душного, но отчего-то непереносимо приятного. Не хотелось всплывать, если честно. Вовсе не хотелось. Я нарочно расспросил, как просыпалась Вера. Хотя и так оказалось, что оба переживали одно и то же.

Теперь я первым делом проверял, кто рядом со мной. Так. Вера. Видно, что давно проснулась и ждала, пока проснусь я.

Когда поняла, что я проснулся, Вера выскользнула из-под одеяла. Кофр и «трофеи» в сумке так и стояли у кровати. Она не сразу решилась заглянуть. Вздохнула с облегчением – книги там. Вздохнула вновь, когда на её фотоаппарате обнаружили снимки. И тут же включила оба компьютера и принялась всё копировать. Вначале сохранила фото, в нескольких экземплярах, затем начала переснимать книги. Как была, в ночной рубашке. Я успел убрать постель, приготовить завтрак и чуть не силой заставлял её хоть немного, но перекусить. Она не хотела отходить от книг надолго. Я прекрасно её понимал, я ведь тоже хотел посмотреть на наши находки.

Потом мы сидели на кухне, завтракая не то во второй, не то в третий раз. Говорили, отчётливо помню, о всякой ерунде и часто смеялись оба, словно по кухне летало множество смешинок.

– Костя, – сжала она мою ладонь, когда очередная пауза

затянулась. – Что нам с этим делать?

– Покажем. Я пойду к тому чиновнику, который помогает нам с конвентом (Вера вздрогнула; видно, и она в первую очередь подумала про графа Толстого). Расскажу, покажу. Ведь теперь ты мне веришь?

Вера не сразу ответила. Взяла меня за руку, посмотрела в глаза, и морщинки ненадолго заползли на её лоб.

– Верю, – кивнула она. – Не во всё, но во многое. Пойдём вместе?

– А с работы отпустят? – не удержался я.

– Укушу! – и практически выполнила обещание. И мы снова рассмеялись.

– Идём, – взял я её за руку. – Сегодня воскресенье, верно? По его словам, можно приходить в любое время, в любой день. Заодно и проверим.

* * *

Мы долго стояли у входа (или выхода, как посмотреть) в здание администрации.

Понятно, что в отсутствие оригинала «Основ» выдавать фотокопии за подлинник было бы затруднительно. Мы придумали вполне убедительную легенду о найденной на месте раскопок коробке и о том, что впоследствии она куда-то делась.

Чиновник кивал, и было видно, что он не верит ни од-

ному слову. Но вот когда мы показали многочисленные пометки в книгах, указывающие на источники, из которых добыли большую часть биографии Шилова и многое из того, что не вошло в «Основы», чиновника словно подменили. В конце концов, он распорядился, чтобы нас с ним доставили в библиотеку. Ехали мы туда молча, я ожидал расспросов, но их не было. Чиновник (по фамилии Шаталов) так и впился взглядом в тома. После того, как он пролистал третий, он сумел вернуться в реальность, где мы и пожилая улыбчивая дама-библиотекарь смотрели на него.

– Невероятно! – заключил он. – Это настоящее открытие, господин Загорский. Ведь я сам участвовал, что уж греха таить, в поиске «Основ». Но чтобы вот так, на самом видном месте столько всего найти... Считайте, что спонсоры для конвента уже есть. Хорошие, надёжные спонсоры. Завтра, пожалуйста, принесите мне все материалы, не будем медлить, времени уже немного. Куда вас подвезти?

Мы попросили подвезти ко входу в «Пентагон».

– Здорово! – Вера поцеловала меня. – Я верю. Неважно, что говорили врачи, и все остальные. Я ведь тоже его видела. Если мы и спятили, то оба. Что теперь, Костя?

– Теперь мы пойдём домой, – указал я направление – полосу на небе, где возгоралось закатное пламя. – Может, почитаем этого «Подвижника», а может и нет. Завтра я отнесу ему бумаги, а потом...

– Молчи! – Она прижала палец к моим губам. – Пусть

будет, что будет. Не загадывай!

Мы шли по таинственным образом опустевшему проспекту: люди никуда не исчезли, конечно, просто все они отчего-то держались от нас поодаль.

«После многих лет скитаний, которые я провёл в четырёх стенах; после долгих лет одиночества, когда каждую минуту кто-то был рядом со мной; после бурных лет спокойствия, когда череда катастроф никак не могла уничтожить меня, я понял, во имя чего жив человек», – так писал Шолов.

Теперь и мы понимали, во имя чего. Понимали, глядя друг на друга.

Гори, гори ясно

Посвящается памяти всех четвероногих друзей, с кем нам выпало счастье познакомиться и жить под одной крышей

1. Выставка

Ну как можно пропустить очередную кошачью выставку? Несмотря на то, что оба наших питомца, Герцог и Плюшка, крайне неодобрительно относятся к подобным походам (их-то дома оставляют), мнение людей перевешивает. Если только не мешают обстоятельства непреодолимой силы.

Вера и дети сразу же обосновались у сцены, где вот-вот начнут проводить конкурсы, а сам я бродил вокруг – смотрел, удивлялся, восхищался. Пока не услышал несомненные, но едва различимые голоса. Или что-то показавшееся мне голосами.

– И что же так раздражает Вашу светлость?

Так мы Герцога зовём. Помимо действительно очень светлой шерсти и надменного в целом вида, у него и манеры взятого аристократа. В роду его явно не обошлось без британца.

– Баст, я к вам обращаюсь!

Я смотрел в этот момент на величественно спящего в клетке передо мной мейнкуна. Обладательница голоса, несомненно, была дама жёлчная, спесивая и не терпящая возражений. Вон с какой издевкой произнесла «Вашу светлость».

– Мама, мама, смотри, какой смешной раб!

А это ребёнок. И судя по голосу, тоже весь из себя спесивый и дурно воспитанный. Странные бывают здесь посетители...

– Мама, он нас слышит?!

Мне стало не по себе. Боковым зрением вижу, что ни слева, ни справа никого на десяток шагов. На сцене уже началось действие, весь народ там. Один я здесь, и то потому только, что мне неинтересны все эти конкурсы. Я оглянулся.

Никого. За спиной – клетка с кошкой-персиянкой, в начале выставки с ней сидело три котёнка, сейчас один. А справа в соседней клетке другая кошка – страшноватый, складчатый сфинкс. И все смотрят на меня.

Возникло ощущение, что я сплю. Ноги сами собой сделали пару шагов, а руки взяли лежащую на клетке с персами хлопущку – длинную палочку со многими верёвочными хвостами на конце – посетители могут поиграть с котёнком. Я отрешённо смотрел, как руки сами собой взмахивают хлопущкой, а котёнок самозабвенно прыгает по клетке вслед за «добычей». А потом я точно так же положил хлопущку на место, отвернулся и продолжил созерцать мейнкуна. По-

пробовал пошевелить пальцами – те повиновались, а только что действовали как бы сами по себе.

– Обычный раб, тебе показалось, – тот самый, сварливый женский голос. – Веди себя прилично! Баст, ну и долго я буду ждать? Вы назначили эту встречу, сама бы я в эту клоаку не поехала.

– Откуда у вас такие манеры? – другой голос, другая женщина – воображение рисует даму в годах, с хорошим вкусом, изящно одетую. – «Раб» – подумать только. Вы сколько столетий не следите за новостями?

– Вы не хуже меня знаете, Ваша светлость, что суть не меняется. Ну, так что вы хотели обсудить? И почему именно здесь?

– Костя, с тобой всё в порядке? – взяла меня за руку Вера. «Ого, конкурсы уже закончились? Я что, простоял тут все эти полчаса? И кто именно говорил рядом со мной?» – пронеслось в моей голове.

– Вполне. – Я помотал головой. – Что, будем фотографировать?

– Будем! – Довольная Вера показала фотоаппарат. – Не скучай!

И ушла, тут есть что фотографировать. И кого. Голосов больше не раздавалось, и я...

– Мама! Хочу этого раба! Купи его!

– Не хотите взять котёнка? – А это голос человеческий. Вернулась хозяйка персидской кошки и её отпрыска. И она

обращалась явно ко мне.

– Нет, спасибо, у нас уже двое, – ответил я абсолютно честно.

– Не скандаль, Эдуард. – Та самая, сварливая невидимка. – Видишь, у раба уже есть хозяева.

Я чуть не сел прямо там же, где стоял. Я что, один это слышу?

– Хочу этого! Этого! Этого-этого-этого! Ма-а-ама!

– Ух, как разошёлся! – умилилась хозяйка. Котёнок, только что сидевший спокойно, носился по клетке, бесстрашно взбирался по стене до потолка и прыгал назад. Его мама, спесивая и надменная, холодно смотрела на эти забавы. Котёнок азартно попискивал.

– Хватит, Эдуард, – второй женский голос. Котёнок враз угомонился и сел, облизывая левую переднюю лапу. – Дай нам поговорить. А человека мы тебе найдём, не беспокойся.

И всё. Никаких больше таинственных голосов, обычный шум и гам весёлой кошачьей выставки. Я вернулся в фойе как в тумане. Уселся на скамейку, отыскал в рюкзаке бутылку минералки и основательно к ней приложился. Примерещитя же такое!

И тут мимо меня прошествовала клетка-переноска, в которой сидела та самая кошка-сфинкс. Хозяйка кошки остановилась о чём-то поговорить с администратором, и кошка оказалась на расстоянии пары шагов от меня. Я заметил, что она смотрит мне в глаза.

– Я всё слышал, – сказал я тихо. – Но никому не скажу. – Сам не знаю, зачем добавил это. Кошка кивнула, едва заметно, но несомненно, а меня словно окатили холодной водой. Я закрыл глаза и помотал головой. Когда открыл, кошку уже унесли. Признаться, я был этому рад.

– Надеюсь, хоть вы не разговариваете, Ваша светлость! – сказал я Герцогу, когда мы вернулись домой. Странные события выставки успели частично выветриться из памяти.

Герцог смерил меня взглядом пронзительных жёлтых глаз и, опершись спиной о диванную подушку, продолжил приводить в порядок когти. «Некогда мне с тобой глупостями заниматься», – явственно говорил его взгляд.

2. Незримый сфинкс

Работа (по основной сейчас специальности я литературный редактор) захлестнула с головой. И то сказать, в «самотёк» всегда приходит множество произведений, и я сейчас являюсь одним из рубежей обороны. Поразительно, что чем менее грамотными в целом становятся люди, тем больше приходит рукописей. Естественно, с точки зрения авторов, это всё шедевры. А моей бедной особе всё это просматривать, и пытаться выудить тот самый грамм радия. Если он есть.

Вера шутит, что там всё больше полоний. Учитывая, что по основной специальности она химик-технолог, шутка удачная. Я достаточно быстро задвинул поглубже в память события на выставке. Настолько, что сумел вернуться к текущей работе.

– Мрррам? – Герцог вышел из туалета, посмотрел вверх, он всегда так делает, и объявил городу и миру, что в кошащем лотке нужна уборка. Вот прямо сейчас.

– Костя! – позвала Вера из кухни. – Убери, пожалуйста!

– Дежурный раб, на выход! – пробормотал я, дописывая последние несколько слов. Есть моменты, когда работу ни в коем случае нельзя бросать, пройдёт даже пара минут, и нечто очень важное напрочь выветрится из памяти. Когда людей нет дома, Герцог и Плюшка могут по многу раз поль-

зоваться лотком – оба чистоплюи, всё закопают тщательнейшим образом. А когда люди дома – нечего им рассиживатьсь. Кошки сходили в туалет – ну-ка, быстро убрать!

– Мрррам! – Герцог уже требовал, а не просто объявлял. Ладно. Его светлость совершали обязательный ритуал очищения после посещения лотка и взглядом меня не удостоили. Нечего баловать.

И тут я вспомнил весь тот странный «разговор», и моменты, когда вроде бы не по своей воле играл с котёнком. Так нахлынуло – аж голова закружилась. Закончил с чисткой лотка, и, вымыв руки, твёрдо решил: «Расскажу хотя бы в общих чертах».

Я вошёл на кухню – там Вера и близнецы, увлечённо готовят пирог. И тут со мной что-то случилось. Словно щёлкнуло тумблером в голове, я даже звук щелчка услышал. И осознал, что стою с не очень осмысленным видом в дверном проёме кухни, смотрю куда-то в окно. Плюшка тоже здесь – сидит на подоконнике и смотрит на действие.

– Костя? – Вера оглянулась. – Что ты хотел сказать?

Надо заполнять вакуум. Ну, тут несложно: я иногда цитировал перлы из того потока, который должен отсеять. Благо только что читал очередной образчик. Рассказал какую-то нелепицу из непризнанного шедевра, все посмеялись, можно уходить. Я пошёл в свой кабинет...

Щёлк! Ещё раз. И снова всё вспомнил. В том числе своё странное обещание никому не рассказывать. И ощутил, что

ноги примёрзли к полу.

На перилах балкона (дверь туда была закрыта) сидела кошка. Та самая, или такая же – не помню в подробности её окрас. Тот самый сфинкс. Сидела и смотрела на меня.

Что-то пронеслось мимо меня. Плюшка! Обычно ленивая и неторопливая – за исключением моментов, когда зовут на кухню – она в три прыжка очутилась на подоконнике закрытого окна и уставилась на непрошеную гостью.

Видеосъёмку я включил, едва опомнился. Кошка-сфинкс так и сидела, глядя на меня. А Плюшка уже уткнулась мордочкой в стекло, сверля прищелицу-гостью взглядом. Но хвостом не мела, уши не прижимала. Я, держа телефон перед собой – отличный кадр: и сфинкс, и Плюшка видны – медленно пошёл к балкону. Кошка по ту сторону (это к ней на выставке обращались «Баст»; скромное такое имя) словно ждала этого. Она неторопливо пошла налево, там за бетонной стеной перила нашего балкона переходят в перила соседского. Плюшка поворачивала голову следом не отрывая взгляда. Кошка на балконе дошла «до границы», ещё раз оглянулась, посмотрела на меня, и исчезла у соседей.

Не прекращая съёмки, я открыл дверь балкона (Плюшка тотчас спрыгнула на пол, и побежала на балкон). Вышел и заглянул туда, на соседскую сторону.

Никого нет на их балконе. Никого и ничего. Чистота, вещей и хлама не хранят, кроме пары деревянных стульев и коврика ничего нет, пусто. Куда делась кошка?

Спрыгнула? Всё бы ничего, но мы живём на девятом этаже, и деревьев поблизости нет. Я посмотрел вниз, на газоне никого. Даже если бы пришелица прыгнула и выжила, не успела бы далеко убежать.

Так. Теперь главное – выпроводить Плюшку; у кошки хватило бы ума запрыгнуть на перила, а последствия могут быть печальными. Плюшка не желала выпроваживаться, тихонько и возмущённо мяукала, но всё же покинула балкон. А я заметил на перилах явственные следы кошачьих лап: тончайший слой пыли – порядок на балконе наводим раз в неделю – и на нём чёткие отпечатки. Да и видео есть! Специально проверил, что всё запечатлелось. И с этим вернулся на кухню.

– Как интересно! – Вера высказалась первой. – А на кого она смотрела?

Как это на кого?! Ведь на видео...

Щёлк! И слова застряли в глотке. А потом и вовсе забылись, ненадолго.

– Странно, – подвела итог Вера. – То есть ей померещилось, что кто-то там ходил? Ну да, вижу – ни у нас на балконе, ни у соседей никого.

А отпечатки кошачьих лап? Их тоже вижу только я? Похоже, только я.

В полном недоумении я вернулся в кабинет (по дороге, внезапно, вновь вспомнил все подробности балконного «визита») и переписал видео с телефона на компьютер. Включил воспроизведение. Ну вот же она, сфинкс, во всей красе!

И смотрит именно мне в глаза, не в объектив!

Лёгкий топот, и вот уже Плюшка возникла на столе. Любит лежать рядышком, там нарочно постелен коврик для неё, и наблюдать, как работает её человек. А сейчас она уселась и уставилась на ролик. И смотрит, если не ошибаюсь, именно на сфинкса. Что за наваждение?!

– Ты тоже её видишь? – спросил я у Плюшки. Она повернула голову и пару секунд смотрела мне в глаза. Вот сейчас я услышу «Ну естественно!», и можно будет звонить психиатру, записываться на приём.

Ничего не случилось. Я нажал на пробел – пауза – и Плюшка тут же отвернулась и спрыгнула со стола. Неподвижная картинка, видимо, не так интересна.

Ну, я так просто этого не оставлю. Невозможно просто отмахнуться! Даже если никто, кроме меня, не замечает «незримого сфинкса», я обязательно постараюсь докопаться до истины. Сказано – сделано. Я начал смотреть видео покadroво. Тридцать кадров в секунду – это надолго, даже для видео в три минуты длиной.

Захотелось протереть глаза. Сфинкс не на каждом кадре присутствует! Остальные предметы вели себя, если так выразиться, обычно: были на каждом кадре, чёткие либо размытые. А сфинкс не на каждом! Но на тех, где её видно, изображение чёткое, резкое, ничего смазанного!

Почувствовал, что меня бросило в жар. Я даже прогулялся в ванную, умылся. Не очень помогло. Полистал следую-

щие кадры. Да, везде так. Либо сфинкса нет, либо он чёткий и резкий, чем отличается от большинства остальных объектов съёмки. Я сел записывать, на каких кадрах кошка есть, на каких её нет, и увлёкся этим занятием настолько, что пришёл в себя, только когда Вера потрепала меня по голове.

– Сделай паузу, – взяла меня за руку. – Пирог готов! Идём обедать, только тебя ждём.

Плюшка, без сомнения, уже там. Пусть даже ей ничего не перепадает со стола, её долго отучали попрошайничать, и практически отучили, но она всё равно будет сидеть или ходить и тереться о ноги. Герцог, естественно, не явился. Ему-то зачем? Он выше всего этого... пока не почувствует, что в его миску кладут что-то исключительно вкусное.

Завтра выходной. Надо будет повнимательнее посмотреть на кадры. А заодно и выяснить, где этот сфинкс живёт. Где-то на фотоснимках с выставки остались координаты владелицы.

3. Краем глаза

Представьте: вы понимаете, что прикоснулись к необычной, невообразимой загадке и не можете никому ничего рассказать, вам всё равно никто не поверит. Ваши действия?

У меня хватило ума не показывать ролик кому-то ещё, или попытаться рассказать. Тем более, что на следующее воскресное утро...

– Мама! – позвала Аня с балкона. – Смотри, тут следы!

– И действительно, – удивилась Вера. Она отложила в сторону формочки, в которые собиралась залить эпоксидную смолу для украшений, и вышла на балкон. Вместе с Аней (через пару минут к ним присоединился и Денис), они исследовали перила. Если посветить фонариком вверх пола, то помимо жуткого количества пыли (да-да, давно пора прибраться) вы заметите и всевозможные мелкие предметы, которые уже отчаялись найти. Следы сфинкса на перилах были особенно хорошо заметны при таком освещении, и восторженные близнецы их сфотографировали.

– Вот тут они начинаются, – указал Денис. – То есть это кошка была? Да? И откуда она взялась?

Все запрокинули головы. Над нами только крыша. Ну то есть, чисто теоретически, кошка могла прийти и спрыгнуть оттуда. Из отдушины на скат, по скату на козырёк. Затем уже к нам.

– Нужно попасть на крышу, – заявил Денис. Легко сказать!

– У вас уже полгода дрон в шкафу пылится, – напомнила Вера. – А о крыше и думать не можете. Там ограждения – кошку не удержат! И полно разного хлама!

Ну не так чтобы полно. Раз в месяц кто-нибудь сопровождает старшего по подъезду осмотреть чердак и подвальные помещения. Помнится, было однажды приключение, когда на чердаке завелись шершни. Сумели выкурить непрошенных гостей, уж больно они опасны. Но главное, мы следили, чтобы на чердаке не заводились люди. Только бомжей нам не хватало!

Близнецы восторженно посмотрели друг на друга, и умчались в свои комнаты – дрон искать.

– Присмотришь, если что? – Вера взяла меня за руку. Я кивнул. – Но слушай, и правда, откуда она тут взялась? Смотри, вот тут сидела, похоже, потом ушла к соседям. А от туда куда?

Я пожал плечами. Как-то не очень хотелось вновь пытаться рассказать, что же именно я видел.

Следующие три часа мы, всей семьёй, ждали, пока зарядится батарея дрона, и монтировали на него камеру. В конце концов удалось запустить этот полезный аппарат. Ветра не было, и через пять минут тренировок Денису удалось облететь всю крышу. Но увы. Неясно, откуда взялась кошка: все отверстия забраны решётками; все дверцы закрыты. Я

не поленился взять ключ у старшего по подъезду и пройтись, проверить. Всё чисто, грязи и мусора нет, все двери заперты. Лепота!

– Действительно загадка! – На Веру это произвело огромное впечатление. – Но откуда?? И Плюшка явно кого-то видела...

Плюшка, всё это время безмолвно наблюдавшая за действиями людей, сидя у окна перед балконом, повернула голову, и, услышав своё имя, мяукнула.

– Мам, она кивнула! – поразилась Аня. – Я точно видела!

– Плюшка, это правда? – спросила Вера. Кошка спрыгнула на пол и, держа хвост трубой, обошла людей, громко мурлыча. «Отстаньте от меня с вашими глупостями», – явственно говорил её взгляд.

– Не признается, – заключил Денис. – А соседский балкон можно заснять? Дроном?

– Без их разрешения – нет, – возразила Вера.

– А попросить их? Мама, давай я сама попрошу! – взгляд Ани стал умоляющим. И Вера сдалась. Позвонила соседям (мы с ними мало общаемся, но заходим иногда друг к другу в гости – например, с Новым Годом поздравить), и вручила трубку дочери.

Через минуту разрешение было получено. Ещё через пять мы смотрели записи дрона. Очень надеюсь, что никто не заметил, что я вздрогнул.

– Форточка открыта, – указал Денис. – Они никогда

не оставляют её открытой!

Снаружи в полутёмной комнате сквозь занавески ничего не видно. Но вроде бы нет следов беспорядка. И звуков подзрительных не записано, на камере есть направленный микрофон, очень чуткий.

Повторно позвонили соседям и получили устную благодарность за бдительность. Вряд ли кто-то полез бы в форточку, ведь на крышу так легко не попасть, да и видно будет всей улице, человек на крыше как на ладони.

Ладно. Близнецы остаток дня провели с дроном, то и дело устраивали «патрульные вылеты», и даже смогли ничего не потерять и не сломать. А я вернулся к своим основным обязанностям, с ними справился быстро, а затем принялся отсматривать ролик дрона, снятый у окон соседской квартиры.

Та самая кошка-сфинкс сидела по ту сторону окна. Дрон снимал её практически в упор, но (как я и подумал!), только я заметил «гостью». Кошка время от времени умывалась и, похоже, пару раз мяукнула. Вроде бы микрофон должен был записать звук, но не записал. И точно так же, как и на видео с телефона: кошка присутствовала не на каждом кадре.

Снова топот, и снова Плюшка возникает у меня на столе. Точно, она видит «незримого сфинкса»! Следит взглядом, иногда приоткрывает рот словно собираясь что-то сказать, но почти сразу же закрывает.

– То есть мы с тобой её видим, и больше никто, – заключил

я. – Интересно, мы видим одно и то же?

Плюшка посмотрела мне в глаза... и, лизнув пару раз переднюю правую лапу, отошла и улеглась на свой коврик. Так, чтобы видеть экран.

В Сеть попало несколько роликов с той самой выставки. Я не поленился скачать их на компьютер. Наверное, неделя бы прошла, займись я покадровым просмотром, но на всякий случай сохранил. Дрон сделал несколько фотоснимков, засняли форточку и то, что видно в комнате, чтобы соседям отправить. И на одном из снимков был сфинкс!

Я быстро нашёл фото того самого сфинкса с выставки. Точно, окрас совпадает. Что происходит? Может, наплевать на всё, стереть, и сделать вид, что не было?

Фото с дрона высокого качества, но размер у них устрашающий. Я привык масштабировать картинки в привычный мне формат и размер, и попробовал то самое фото со сфинксом.

И чуть со стула не упал: только пока я оставлял качество и размер снимка нетронутым – ну то есть пока каждая точка фотографии оставалась на месте без искажений, я видел сфинкса. Стоило уменьшить размер или слегка ухудшить качество – и нет сфинкса.

Так. Жаль, что я так давно не брал в руки учебник физики – нет ни единой идеи, почему так происходит. Или какая наука тут может помочь?

Зато теперь появилась и другая идея, помимо встречи

с хозяйкой сфинкса. Нужно добыть исходные фото с выставки. И вот это сделать невероятно сложно и трудно, но я решил, что в любом случае попробую.

Хозяйку сфинкса я оставил «на закуску», голова уже гудела от разговоров с фотографами, и профессиональными, и теми, кто выкладывал свои фото с выставки в соцсетях.

– Да-да, я вас помню, – сказала мне женщина-заводчица. – Вы Загорский, верно? Да, конечно, приезжайте. У меня с часу дня до половины третьего перерыв. Записывайте адрес.

Отлично! Как раз есть повод побывать в городе: материал сдать, с Главным поговорить. Совместим приятное с полезным.

4. Не оглядываться

Вопреки традиции, понедельник начался без особых неожиданностей. Денис и Аня с самого утра обсуждали, где ещё они не заглянули дроном, и откуда ещё могла взяться та самая кошка, то есть кошачьи следы. Потом они вполне обыденно собрались и ушли в школу. Вера с утра продолжила работать над диссертацией; я же, закончив оставшиеся за выходные «хвосты», отправился в город сдавать материалы. Кошки тоже вели себя вполне обычно: Герцог, с присущей британцам надменностью, снисходительно взирал на творящуюся среди людей суету; а Плюшка всегда оказывалась в гуще событий, ей за всем нужно проследить.

Ничего сверхъестественного.

Ехать в город на машине – хуже не придумать: штаб-квартира издательства в центре города, и припарковаться там – отдельное приключение. По счастью, есть электрички. Накануне мне пообещали прислать исходные материалы с выставки как минимум трое фотографов. Тоже неплохо.

* * *

Без четверти двенадцать я освободился: всё сдал, получил новый фронт работ, удостоился даже похвалы Главного. Теперь надо где-нибудь перекусить, умственные труды отнима-

ют уйму сил, и я как раз успею поговорить с хозяйкой сфинкса. Её офис неподалёку.

Тут произошло неожиданное. В детстве у меня было лёгкое сотрясение мозга без заметных последствий, но иногда при резких движениях на несколько секунд может возникнуть ощущение, что под черепную коробку плеснули горячей воды. Этим и заканчивается. Вот и сейчас «плеснули», в такие моменты мне нужно просто встать и постоять спокойно.

Однако произошло ещё кое-что, что напомнило давешний эпизод в «Матрице», когда окружающий виртуальный мир для протагониста начинает рисоваться зелёными значками. Окружающее стало на долю секунды таким же «матричным», а в уши словно воткнули по доброму куску ваты. Так в самолёте бывает, когда быстро набирают высоту. Я даже сглотнул – помогло, вата выпала, и зрение тоже вернулось в норму. Что это вдруг?

Так, я собирался пообедать. И даже подошёл уже к одному из проверенных временем заведений. Посмотрел на витрину...

...и чуть не выронил челюсть. У моих ног, отражаясь в витрине, сидел тот самый сфинкс. Я опустил взгляд – у ноги никто не сидит, никакой кошки. А в отражении есть! И та, которая в отражении, смотрит мне в глаза. Уже машинально, я достал телефон, вызвал функцию фотоаппарата...

– Вам это не мерещится, – сказала шедшая мимо меня

незнакомая девушка в эффектном красном пальто. Она остановилась рядом со мной, глядя на витрину. Отражение кошки теперь было между нами. – Нет, вы не знаете этого человека, и она не знает вас. О чём вы хотели поговорить?

– С кем я разговариваю? – сумел я произнести. Кошка – отражение кошки – подняло переднюю лапу и пару раз лизнуло её. А девушка тихонько рассмеялась.

– Сделайте ваш снимок, иначе не успокоитесь, – предложила она. Её отражение смотрело мне в глаза. Нет, я точно не видел её раньше, случайная прохожая, но почему ощущение, что я не впервые говорю с ней?

Я повиновался. Да, на снимке витрины и я, и девушка, и кошка.

– Это вас я видел на балконе?

– Вы уже знаете ответ. Вы видели *кари*, и видите её сейчас.

– Кари? – До меня дошло не сразу. – Кошку? Так вы их называете?

– Так они себя называют. Простите...

В кармане у девушки зазвонил телефон. Она ответила, сделала шаг назад и пошла, в том же направлении, в котором шла первоначально – продолжая говорить по телефону. Я передумал заходить в кафе и пошёл дальше. Сфинкс – отражение – семенило рядом с моим отражением. Я не смог удержаться, присел и осторожно опустил ладонь туда, где у отражения была бы голова.

Ладонь ощутила тепло! Я встал, по сути подпрыгнул.

– Не нужно так делать, – посоветовала проходящая мимо меня пожилая женщина. Что-то в её облике говорило, что по профессии она учительница. – Это мешает мне сосредоточиться. Вы ведь уже убедились, что это не иллюзия. Так что вы хотели?

Я шёл у стены здания, женщина шла рядом, отражение кошки бежало рядом с нами. Там, в зеркальной глубине витрины.

– Понять, что происходит. Понять, кто вы такая. Кто вы такие, – поправился я.

Кошка вновь уселась (я остановился), пару раз лизнула лапу. А женщина рассмеялась и, остановившись, встала так, чтобы смотреть мне в лицо.

– Будет спокойнее, если вы просто обо всём забудете. Вы не сошли с ума, это не сон. Просто вы заметили то, что большинство людей никогда не замечают.

– Люди не видят, а кош... кари видят?

Женщина кивнула.

– Вы быстро всё схватываете. Я могу помочь вам всё забыть. И вам, и вашей семье будет спокойнее. Что скажете?

– Нет, – ответил я, не задумываясь. – Если моё мнение кого-то интересует, то – нет.

Женщина вздохнула и поправила очки.

– Мне нужно обследовать вас. Нет, просто стойте спокойно.

Накатило «матричное» видение окружающего. Потом

снова в уши влетело по доброму килограмму ваты, я почти ничего не слышал, кроме своего дыхания и стука собственного сердца. Потом я осознал, что думаю по-английски. Английским я владею достаточно свободно, но почему вдруг?! Попытался сказать мысленно «это не сон», и отчётливо получилось «that's not a dream»¹. Посмотрел на отражение кошки (оно смотрело на отражение стоящей напротив женщины), и вместо «это сфинкс» в голове прозвучало «it sphynx»². Именно так, как если бы слово «сфинкс» оказалось глаголом. И всё равно это грамматически неверно!

Я снова попробовал мысленно сказать «это сфинкс», а получилось «it thinks» – «оно мыслит». Час от часу не легче.

– Да, кари все мыслят, если вы об этом. – Женщина поправила очки. – Я закончила обследование.

– И какой прогноз, доктор? – не удержался я. Больше всего хотелось расхохотаться. Но я сдержался.

– Вам лучше зайти и пообедать, – сказала женщина. – Как вы и собирались.

Сказала, и пошла в ту же сторону, в которую двигалась до нашего с ней разговора. Я посмотрел на витрину – кошки там не видно. И что всё это значит?

Удалось сохранить достаточную ясность рассудка, чтобы вернуться в кафе, войти и устроиться в уже привычном мне месте в дальнем углу зала у окна. Там очень уютно. Когда мы

¹ Это не сон (англ.).

² Это сфинкс (англ.).

бываем тут всей семьёй, нравится всем.

Официантка принесла меню, приняла заказ и, к некоторому моему удивлению, поставила на стол напротив меня небольшое блюдце. Пустое. Я посмотрел в окно и вздрогнул. Кошка-сфинкс – отражение – сидела прямо на столе, напротив меня. И отражение блюдца вовсе не было пустым на вид, там была сметана, или что-то похожее. Кошка смерила меня взглядом, и, наклонившись, принялась за еду. Я даже глаза протёр. Не помогло: видел в отражении в окне всё то же самое.

Ладно. Мне уже не казалось, что я спятил: как-то подозрительно быстро привыкаю к этой зеркальной мистике. Несколько раз осторожно подносил ладонь туда, где сидела в отражении кошка. И ощущал тепло, как если бы там и в самом деле кто-то сидел.

Когда получил счёт, там была упомянута и сметана. Однако! Я оглянулся пожелать отражению приятного аппетита, но его и след простыл.

Я застал заводчицу, Маргариту Филатову, у неё в офисе. Вошёл туда ровно в одну минуту второго.

* * *

– Вы пунктуальны! – похвалила она. – Я читала ваш отчёт о выставке. У вас замечательное чувство языка.

Какой такой мой отчёт? Я едва не спросил, но прикусил

язык. Потом выясним.

– Вы спрашивали про персидскую кошку, – Филатова открыла тетрадь-ежедневник. – Да, она тоже из Новосибирска. Редкая в наше время порода...

Фраза пришла на ум. Та, которая назойливо «лезла в уши» во время того «обследования». Сам не знаю, зачем я произнёс её. Словно не по своей воле.

– It thinks³, – сказал я вполголоса, и Филатову словно током ударило. Она вздрогнула и посмотрела мне в глаза. А затем оглянулась, поблизости от её стола на стене было закреплено высокое, в рост человека, зеркало.

Я непроизвольно поднялся на ноги. Та самая кошка-сфинкс сидела по ту сторону зеркала и смотрела мне в глаза. А затем повернула голову и посмотрела в глаза Филатовой.

– Что вы видите? – спросила она тихонько.

Я пояснил. Филатова кивнула, поднялась из-за стола, дошла до входной двери и заперла её. Сфинкс так и следил за нами из «зазеркалья». А затем...

Затем откуда-то из-под стола выпрыгнула ещё одна такая же кошка. «Оригинал»? Или как это назвать? Кошка в два прыжка оказалась у зеркала и, протянув лапу, прикоснулась к мордочке отражения. Отражение отодвинулось и помотало головой.

– И давно вы их видите? – спросила Филатова, стоя рядом

³ Оно думает (англ.).

со мной, и глядя на обеих кошек.

– С выставки, – признался я. – Простите за вопрос... вы слышите, как они говорят?

– Нет, – покачала головой Филатова. – Только вижу. И...
Что-то случилось, как если бы отражению что-то почудилось. Оно стремительно развернулось и убежало прочь. И почти сразу же у кошки возникло обычное, настоящее отражение. Баст встретила с ним взглядом и низко, хрипло мяукнула.

Филатова подошла к зеркалу и сбросила поверх него шторы из плотной, тёмной ткани.

– В этой комнате в ближайшие полчаса лучше не оставаться, – пояснила она. Я кивнул. – Баст! Ну-ка в домик!

«Домиком» оказалась кошачья переноска. Кошка беспрекословно вошла внутрь, и царственно улеглась.

– Я должна отвезти её домой, – пояснила Филатова. – Нам с вами нужно поговорить, но не здесь и не сейчас. Вы в городе часто бываете?

– Когда необходимо.

– У вас ведь есть кошки?

– Два дворянина британских кровей. Кот и кошка.

Филатова улыбнулась и кивнула.

– Вы их часто водите на осмотр?

– Раз в год. В этом июле возили.

– Привезите их в мою клинику. Осмотрим, заодно и поговорим. Они хорошо переносят дорогу?

Я пожал плечами. Кошкам не нравятся поездки к ветеринару, но скандалов не устраивают. Переносят заключение в переноске стоически. Даже не мяукают.

– Далеко мы их не возили, но пока что всё обходилось.

Филатова кивнула, и протянула визитку.

– Здесь адрес. Вы рассказывали об этом кому-нибудь ещё?

– Нет, – ответил я коротко, пряча карточку в карман. Филатова подозрительно спокойна, и это настораживает.

– Не рассказывайте. И ещё. У вас за последние несколько дней было ощущение, что непереносимо хочется оглянуться? Без всякой видимой причины?

– Не было.

– Если вдруг будет – не оглядывайтесь. Это важно. Когда выберете дату, позвоните – я зарезервирую вам время.

Я вышел из её офиса и смотрел, как Филатова ставит переноску с кошкой на заднее сиденье автомобиля, и сама садится рядом. Автомобиль тронулся мягко, стёкла задних дверей сильно тонированы, ничего сквозь них не видно.

Итак, теперь уже два психа. Нет, но насколько спокойно мы с ней говорили! словно всё произошедшее – самое естественное, что могло случиться.

Надо было взять с собой камеру – ту, которая на дроне. В следующий раз обязательно возьму.

Остаток дня прошёл в высшей степени обыденно, вечером мне уже начало казаться, что не было никаких зазеркальных кошек. А фотографии я просмотрю завтра.

5. Зазеркалье

Вечером мы все вместе построили и обсудили несколько увлекательных теорий: откуда могла взяться и куда делась таинственная кошка. Прибыли из своей «дачной поездки» соседи, ещё раз поблагодарили за бдительность, сказали, что кто-то сдвинул штору, и только. У них всё современно: балконная и входная двери под пристальным взглядом видеокамер. Даже если незваный гость первым делом бросится к камере и отключит её, та успеет передать картинку куда положено. Охрана прибудет быстро, уже устраивали «учения».

– Не то чтобы у нас несметные сокровища, – сказал сосед, – но лучше так. Да и полиция говорит, что один только вид работающей камеры, смотрящей тебе в лицо, заставит одуматься большинство преступников.

Так вот, на камерах ничего и никого не было, кроме смутной тени нашего дрона за балконом. И на том спасибо.

Я пролистал фото, и на многих уже успел заметить детали сцены – кошек, которые исчезали, стоило мне чуть-чуть ухудшить качество. Даже пришла в голову идея устройства, наподобие стереоскопа: одним глазом видеть исходную картинку, другим – чуть-чуть исправленную. И все «невидимки» сразу же объявятся.

Я обработал чуть меньше сотни картинок, хотя надо и основной своей работой заниматься, и понял, что привычная

картина мира постепенно замещается. Или я, то есть мы с Филатовой, если она видела то же самое, одинаковым образом свихнулись, «или одно из двух», как говорил персонаж из мультика «Следствие ведут Колобки». Материальные следы есть: следы той кошки на перилах. Это все заметили, и это – факт. А вот всё прочее...

Я откинулся на спинку кресла. Теперь ещё это приглашение в клинику. Ладно, попробуем напрямик, без легенд. Последнее, что мне хотелось – это говорить заведомую неправду.

– Филатова? – Вера не удивилась. – А, это по поводу твоего отчёта о выставке, да? Я читала про неё. Говорят, хорошая клиника, врачи хорошие. Это она предложила к ней привезти?

Я кивнул. Молча. Хотя хотелось поинтересоваться, что это за неведомый «отчёт», о котором сам я ничего не знаю?

– Давай свозим, – согласилась Вера. – Хуже не будет. Так... – она открыла свой «ежедневник» – электронный календарь. – Вот, в пятницу можно. Утром. Можем сразу обоих взять, у нас ведь две переноски. Так пойдёт?

– Сейчас узнаем. – Я позвонил Филатовой и уже через пару минут она подтвердила и дату, и время – удачный интервал, дороги ещё не сильно забиты, успеем до главных пробок. – В десять тридцать утра. Если в девять выедем, аккуратно успеем.

Вера встала за моим стулом и обняла за плечи.

– Костя, – она погладила меня по голове. – Ты уже второй день смотришь на эти фотографии, с выставки. На ролик тот, с балкона, долго смотрел. Что-то не так?

И что я должен сказать?

– Иногда кажется, что на снимках есть то, чего не заметил. Плюшка ведь видела кого-то, верно?

Вера села на стул рядом с моим и кивнула, держа меня за руку.

– Вот, смотри. – Я решился, и показал два снимка. – Вот соседский подоконник. И ещё один снимок. Разница по времени в две минуты. Ничего не замечаешь?

Вера недолго всматривалась.

– Шторы по-разному расположены. – Она указала на снимок, на котором я видел сидящего сфинкса. – Вот тут штора отошла от подоконника... как будто что-то её отодвинуло. А здесь, – указала на другой снимок, – касается подоконника. Ты об этом говоришь?

Я кивнул. И вздохнул, с облегчением. То есть не я один вижу странности в окружающем мире.

– Необычно, – кивнула Вера. – Даже не знаю, что сказать. Костя, сделай перерыв. Я не знаю, что ты хочешь найти... но пусть голова отдохнёт.

А вот это хорошая идея. И я направился следом за ней на кухню, помогать, по мере сил, готовить пирог. Это одна из наших традиций: пироги готовим все вместе.

Плюшка недовольно мяукнула: «Куда, спрашивается, по-

шли, если кошка здесь, и требует внимания?», но потом спрыгнула и побежала следом. Один только Герцог проводил нас взглядом, зевнул и блаженно растянулся на своём плече.

* * *

Ближе к вечеру два слова «it thinks» вновь начали лезть в голову. Я с кошкой в нашем с Верой кабинете; Плюшка дремлет на коврикe; Герцог вальяжно развалился на диване в гостиной. Дети что-то увлечённо обсуждают у себя в комнате, Вера читает книгу и пьёт чай на кухне. Обычный такой, мирный вечер.

Я поставил фотоаппарат заряжаться, батареи успели порядком сесть, и поднялся из-за стола. Надо глазам отдых дать.

Фраза назойливо вращалась в голове. Наваждение какое-то. И говорить не хочется: должна же быть сила воли! Я заметил, походив по кабинету, что назойливость фразы тем выше, чем я ближе к шкафу. Там у нас, как говорит Вера, «мусомный амбар» – вещи, которые отчего-то не поднимается рука выбросить, но и пользоваться ими не получается. Под Новый год мы устраиваем в «амбаре» очередную ревизию, и половина хлама отправляется в мусорный ящик.

Я открыл «амбар» и первым делом увидел висящее на внутренней стороне дверцы зеркало. Старое-престарое, нашли его у родителей Веры, на чердаке их дома. Верина ма-

ма рассказывала, что оно досталось им от очень суеверной родственницы, которая была очень рада, что отдала зеркало, маме даже показалось, что дарительница немного побаивалась своего подарка. Обычное такое зеркало, в портретной рамке, в верхней его части зеркальный слой уже истёртый, с чёрными кляксами. А в целом – отличная добыча для старьевщика.

Мысль пришла в голову неожиданно. Я поставил зеркало на пол, прислонив к стене между шкафом и диваном. Присел перед ним, помахал рукой отражению. Фраза назойливо вертелась в голове, сводила с ума.

– «It thinks», – сказал я вполголоса. И сразу же отпустило.

Я не сразу осознал, что по ту сторону зеркала сидит... Плюшка. Сидит и смотрит на меня, внимательно так; всегда так делает, когда хочет, чтобы с ней поиграли.

Я медленно поднялся на ноги, и оглянулся. Плюшка действительно сидит, но на коврикe, на столе. Встретив мой ошалевший взгляд, кошка прыгнула и подбежала ко мне. И тоже подошла к зеркалу и, медленно протянув лапу, прикоснулась к мордочке своего отражения. Отражение отпрянуло, и, пройдя налево – для нас направо – явно заглянуло за «своё» зеркало там, у себя. Плюшка немедленно сделала то же самое. Некоторое время кошки, настоящая и зазеркальная, носились, видимо, понять пытались, куда делась та, вторая. Затем замерли, почти друг напротив дружки. Изредка поворачивали голову и встречались со мной взглядом.

– Вера?! – я опомнился. Надо хоть кого-то позвать, чтобы увидели. Не слышит. Я не хотел далеко отходить, протянул руку, и стараясь не отводить взгляда от зеркала, взял фотоаппарат. Освещено хорошо, вспышки не потребуется.

Получилось! Обе кошки в кадре в разных позах.

«Зазеркальная» Плюшка встрепенулась, оглянулась и мякнула, глядя мне в лицо – звука я не услышал, и на том спасибо. Затем сорвалась с места, пулей метнулась куда-то в дальний угол комнаты, в зеркале её уже не увидеть. «Наша» Плюшка посмотрела мне в лицо, и тихонечко мякнула.

По ту сторону зеркала стало темнее. Словно освещение – люстра – постепенно гасло. Я опомнился, сбегал к столу, закрепил прищепкой камеру с дрона на кармане рубашки, включил запись и вернулся к зеркалу. Плюшка вновь мякнула, уже встревоженно, и оглянулась.

– Вера! – позвал я. И кричать громче не хотелось, сам не знал, почему. – Вера, подойди, пожалуйста!

– У-у-ум-м-р-р-р-мммм... Ф-фффффф!

Я чуть до потолка не допрыгнул. В предыдущий раз Плюшка ругалась и угрожала таким образом в тот, первый день, когда её привезли из приюта, и сразу же отнесли в ванную – вымыть. Чудом только не порвала всех в клочья. Сейчас она стояла, вздыбившись, прижав уши и распушив хвост перед зеркалом, ворчала и шипела на что-то по ту сторону.

В зеркале уже всё было черным-черно. И начало казаться, что тень просачивается из-за зеркала и начинает растекаться

по полу уже с нашей стороны.

Плюшка ещё раз рывкнула и фыркнула; я заметил, что тень, ложившаяся на пол у зеркала, словно бы втянулась назад, в зазеркалье.

Топот – в кабинет ворвался Герцог. Куда только делась его надменность! Он подбежал к зеркалу и, вздыбившись рядом с Плюшкой, завёл ту же «песню».

Мне почудилось движение в черноте там, за зеркалом. Не знаю, почему я это сделал – включил на фотоаппарате вспышку и, едва та мигнула зелёным, что заряжена, сделал снимок, почти в упор.

Я заметил, что вспышка словно стёрла черноту там, за зеркалом; ослепительно-белая волна разогнала тьму, высветила интерьер «зазеркальной» комнаты, и мне почудился человекообразный силуэт, отшатнувшийся и съёжившийся.

Герцог и Плюшка отскочили от зеркала, продолжая шипеть и рычать, они чуть покачивали задней частью туловища – готовятся прыгнуть! Я заметил, что трещины и кляксы на зеркальной поверхности наливаются белым свечением...

Первое, что попало под руку – диванная подушка. Я бросил её так, чтобы закрыть ей зеркало. Послышался громкий хруст...

Подушка словно взорвалась изнутри, подпрыгнула на месте и осела бесформенной грудой.

Почти сразу же в комнату вбежала Вера, а следом – близнецы. У всех – глаза в пятак размером. Герцог и Плюшка

перестали шипеть, но всё ещё горбились и держали хвосты распушенными.

– Костя. – Вера первой обрела дар речи. – Что тут творится?!

Так. Вспышка. Свет. Тень, отпрянувшая от зеркала. И фраза «в этой комнате лучше не оставаться» пришли в голову одновременно.

– Я расскажу. Денис, принеси из прихожей фонарь, пожалуйста. Да, с которым в погреб ходим. И варежки захвати. Вера, нужна тёмная, плотная ткань. Аня, уведи кошек и успокой, ладно? Пожалуйста, сейчас никаких вопросов, всё потом!

Надо отдать должное, все почти сразу же пришли в себя и отправились выполнять указания. Денис прибежал, держа в руке фонарь. Я включил его – яркость такая, что на расстоянии километра виден его «зайчик». Навёл конус света на зеркало и осторожно отодвинул останки подушки.

Зеркало треснуло, три крупных трещины прибежали со сторон и встретились в центре. Вроде нет осколков, и на том спасибо.

– Освещай его, – попросил я Веру. Зеркало вело себя, как обычно – отражало то, что положено. Надев варежки, я поднял зеркало и обернул его в ткань. – Нужно вынести его из дома. Проверь, пожалуйста, нет ли осколков.

Минут через десять, когда убедились, что ни на полу, ни в ставшей лохмотьями подушке нет стекла, я осознал, что камера так и продолжает съёмку. Выключил и сел за компьютер скопировать записи с камеры и снимок с фотоаппарата.

На этот раз все увидели обеих кошек: и нашу Плюшку, и зазеркальную.

– Обалдеть! – восторженно прошептал Денис. – Класс! А что с зеркалом случилось?

Ролик мы смотрели с закрытой дверью. Аня приманила кошек на кухню, и те успокаивались, поедая пакетик кошачьих деликатесов. А дверь закрыли, потому что рёв и шипение на ролике в две кошачьих глотки.

– Выключи, – попросила Вера, после того, как я проиграл ролик дважды. На нём отчётливо было видно, как расползается по полу тьма; как отступает, когда кошки заводят очередную «песню», и очень чётко был виден чёрный силуэт по ту сторону зеркала. Перед тем, как я бросил перед ним подушку.

– Подушку словно когтями подрали. – Вера осторожно перевернула то, что осталось от подушки. – Костя, ты что-то недоговариваешь. Что происходит?

Я закрыл глаза. Досчитал до десяти и открыл.

– Давай дождёмся Филатову в пятницу. Расскажу,

при ней.

– Па-а-апа! – возмущённо протянула Аня. – Ну мы же все видели! Мы тоже хотим знать!

– Аня, минутку. – Вера взяла дочь за руку. – Я, кажется, понимаю. Что-то случилось на выставке, да?

Я кивнул.

– Что именно?

Чёрт с ним! Надо попробовать рассказать. Я встал из-за стола, и начал было рассказывать... и вдруг понял, что сижу на диване, рядом со мной побледневшая Вера, держит за руку, а дети стоят рядом, и Аня сжимает в руке телефонную трубку. Я заметил, какой номер она набрала.

– Не нужно «Скорую», – попросил я. – Долго я так сидел?

– Минуты три. – Вера потрогала мой лоб. – С тобой точно всё хорошо?

– Вполне, – ответил я, осознав, что вроде бы всё в порядке, и тело слушается. – Если вы не против, я пока не буду пытаться рассказывать.

* * *

– В общем, так. – Вера посмотрела на часы. Ого, уже за полночь. – Никому не рассказываем об этом. Ни единой живой душе! Дети, вы поняли?

– Конечно, – ответил с важным видом Денис, и Аня кивнула следом за ним.

– В пятницу мы отвезём кошек в клинику, там поговорим, вместе с папой, с Филатовой и вам потом всё расскажем. Договорились?

– Договорились! – хором ответили дети. Переглянулись и рассмеялись. Мы присоединились; только сейчас отпустило напряжение. Слишком много небывальщины.

– До сих пор поверить не могу, – призналась Вера минут через десять, переоблачаясь ко сну. – Вот сама же видела, и слышала, а не могу! Что это было?

– Самому интересно. – Слегка покривил душой. Вот в этот самый момент, чего уж скрывать, я и сам был бы рад забыть кое-что.

Что характерно, те самые два английских слова уже не вертелись на языке. И на том спасибо. Уснуть удалось не сразу, и снилась разная муть – в общем, я не выспался.

6. Мадам де Помпадур

На следующий день за завтраком никто не говорил о вчерашнем, но все (кроме меня) оказались бодры и веселы. Включая кошек: Герцог, вопреки привычке, пришёл на кухню, пока там все завтракали, и «проследил» – устроился в величественной позе сфинкса на полу, время от времени ода-ривая нас взглядом.

– Прекрасно выглядите, Ваша светлость! – приветствовала его Вера, убирая со стола. Герцог встретился с ней взглядом и зевнул. «Сам знаю», – явственно читалось во взгляде.

– Зеркало не забрали, – заметил Денис, посмотрев в окно. Мусорные баки, главное «украшение» нашего двора, из окна как на ладони. Вчера я отнёс завёрнутое в ткань зеркало в секцию для крупногабаритного мусора. Мало-мальски годные вещи обычно уносят минут за пять, даже вечером, иногда до подъезда дойти не успеешь, а вещь уже прибрали. А в зеркале как минимум рама дорогого стоит – ан нет, так и стоит, обёрнутое в чёрную ткань.

– Может, ещё заберут, – сказала Вера. – Всё-всё, вам уже собираться.

– Мама, у нас сегодня со второго урока! – возразила Аня. – Мы же вчера ещё говорили!

– Всё ясно. – Вера обняла дочь и отпустила. – Тогда не отвлекаю. Ваша светлость, нужно мусор вынести, а вы на до-

роге!

Герцог ещё раз зевнул, уселся. Посидел так пару секунд и направился к себе в гостиную, на диван – распорядок превыше всего! Широкоплечий и мордастый, походкой он больше всего походит на тигра. Он скуп на лишние движения – кроме тех моментов, когда они с Плюшкой играют в догонялки (и считают, что никто не видит), либо когда забавляются с бумажным бантиком.

– Всё понимает, – отметила Аня вполголоса. – Вот я всегда говорю, а в школе никто не верит!

– Да и пусть, – утешил её Денис. – Мы-то знаем! Мам, может, зеркало в обычный бак переставить?

– Не надо, – покачала головой Вера. – Пусть уж стоит. Завернуто хорошо, даже если стекло высыплется – не выпадет.

Так и решили.

* * *

– Что не так со снимком? – спросила Вера минут через десять, когда у неё возникла очередная творческая пауза в работе над диссертацией. – Ты на него почти полчаса смотришь. Кстати, фотоаппарат зарядился.

– Теперь фонарь надо зарядить. – Я прогулялся до прихожей, взял тот самый фонарь. С детства я собирал разные осветительные предметы, и жалче всего было пропавшего во время одного из переездов фонаря со стеклянными стен-

ками и свечой внутри. По словам моей бабушки, это была настоящая древность ещё девятнадцатого века.

А современные фонари... ну не мог я сдержать совершенно детского восторга, когда заморское чудо техники достало ярким, как Солнце, зайчиком до стены строящегося дома в полтора километрах от нас. И зайчик тот прекрасно было видно! С того и начался новый этап увлечения. Вера даже подшучивает, что вскоре нужно будет переехать в квартиру просторнее, и выделить там отдельную комнату – фонарную.

– Так что со снимком? – Мы оба смотрели на фото, где зазеркальная Плюшка смотрит на меня, а наша – на зазеркальную. Любой скажет, что фотомонтаж, или компьютерная графика – причём качественная, не видно огрехов. Только вот мы не скажем.

– Я стою вот тут, – указал я курсором. – Где-то вот тут, по нашу сторону. – Курсор туда не достал, картинки там нет, но идея понятна. – Вопрос: где моё отражение?

– Точно, – прошептала Вера, и посмотрела на снимок под максимальным увеличением – ну то есть наоборот, без уменьшения размера. Подвигала его по экрану, чтобы все части увидеть. – Тебя там нет. А Плюшка есть! Почему?

Я в который уже раз пожал плечами.

– Это я вслух думаю, – кивнула Вера. – То есть та невидимая кошка, потом эти ужасы с зеркалом, и тебе что-то мешает рассказать, что случилось на выставке. А Филатова? У неё тоже какие-то странности?

Я кивнул.

– Понятно, тоже не хочется рассказывать, – взяла меня за руку Вера. – Я бы и сама сто раз подумала, кому такое рассказать. Но почему именно Плюшка? И что, любое зеркало вот так может? Ты же помнишь, сам намекал, как это началось?

– Хочешь ещё раз попробовать? – Я посмотрел в её глаза. Вера улыбнулась.

– Нет. Только не у нас дома. Прекрасно жили без ужасов, и ещё поживём. Скопируй мне исходную картинку, ладно? И ролики тоже.

– Да, надо сохранить копии, – согласился я. В мире есть два типа людей: одни ещё не теряли ценные данные, а другие научились делать их резервные копии. Мы относимся ко вторым.

Итого на выставке, на разных снимках, есть три «невидимых» кошки, не считая сфинкса. И все они замечены поблизости от той самой кошки-персиянки, с тремя котятами (их всех успели разобрать на выставке, невзирая на сильно пятнадцатизначную цену за котёнка). Зовут кошку ни много ни мало мадам де Помпадур, полное имя как у её знаменитой исторической тёзки, Жанны-Антуанетты. И ещё некая «Её светлость» – уж не с ней ли я говорил там, в городе, у витрины?

Голова кругом идёт. Так-так... что там на шее у несравненной мадам де Помпадур? А ведь там что-то драгоценное на вид! Я вгляделся в свои и присланные фотографиями сним-

ки: мадам за свою жизнь собрала столько наград – представить трудно. И котята у неё сплошь выдающиеся. Такая может позволить себе драгоценное ожерелье. Да, именно ожерелье.

– Вера, – указал я на снимки. – Опиши мне, пожалуйста, как выглядит эта кошка. Которая персиянка.

– Мадам де Помпадур? – улыбнулась Вера. И подробно описала всё, заодно и свои фото показала. И на них тоже есть ожерелье! И Вера его, похоже, не видит, как не упомянули и журналисты!

Ну-ка, проверим. Тем же способом. Получилось! Стоило слегка ухудшить качество, и ожерелье словно исчезало. Очень интересно. Значит, быть невидимками могут не только живые существа. Я вписал эту мысль в свой рабочий блокнот (туда, по счастью, никто случайно не заглянет), и чисто для разнообразия занялся своими прямыми обязанностями. Мне выдали рукопись, впереди не только встреча с её автором (а он, по словам Главного, человек не очень приятный), но и частые поездки в город. Что ж, постараюсь продолжить и своё собственное расследование.

Час пролетел в трудах праведных.

– Мне кажется, что ты на некоторых снимках видишь что-то, чего я не вижу. – Вера выключила дисплей своего компьютера. – Я права? Но почему-то не можешь, или не хочешь рассказать.

– Верно. – Прямо камень с плеч. Легче особо не стало,

но стало проще.

– И началось всё с выставки... – задумчиво сказала Вера. Плюшка встала с коврика, потянулась, сделала пару шагов к Вере и улеглась поверх её руки. И громко замурлыкала, с чувством: «Всё, человек, гладь кошку, займись своими прямыми обязанностями». – Вот хитрая! И как я теперь работать буду?

Плюшка подняла голову, посмотрела в глаза Веры, зевнула, и снова улеглась. Понятно без слов. Никак.

– Что ж, я хочу понять. – Вера посмотрела мне в глаза. – Тогда рассказывай то, что можно.

– Филатова сказала мне... – Я ожидал «щелчка» и выпадения памяти, а то и чего похуже, но их не последовало. – «Не оглядывайтесь». Если в какой-то момент будет непереносимое желание оглянуться, то ни в коем случае этого делать нельзя. Сказала, что это важно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.